

Анонс доклада М.В. Аникиева:

«Нормандская хроника» Пьера Кошона: взгляд «простого обывателя» на события Столетней войны

Пьер Кошон (род. не позднее 1390 г. – ум. в начале 1456 г.), выходец из семьи горожан, исполнявший должность нотариуса в церковном суде Руана, оставил после себя историографическое сочинение, которое хорошо передаёт взгляды и умонастроения, преобладавшие среди простого населения Нормандии во время междоусобной войны «бургундцев» с «арманьяками», а также в период английской оккупации.

В докладе будут рассмотрены известные факты биографии Пьера Кошона в контексте его общественных связей, дана общая характеристика его историографическому труду, прослежена эволюция его социально-политических взглядов, происходившая под влиянием событий Столетней войны, катастрофических для французской монархии. В частности, будет показано, как хронист, который сначала был рьяным «бургундцем», т.е. политическим сторонником герцога Бургундского, Жана Бесстрашного, со временем усвоил более взвешенный и критический взгляд на все стороны конфликта, раздиравшего Францию в первой половине XV столетия.

Приложение к докладу:

Фрагменты из «Нормандской хроники» Пьера Кошона

(1337)

[О том, как нормандцы требовали от короля Филиппа де Валуа подтвердить их старинные вольности]

<...> Затем король Франции¹ созвал своих баронов и рыцарей на совет [по поводу предстоящей войны с Англией], и собрались они в Верноне, что в Нормандии. Там представители каждой земли дали королю советы, наилучшие по их мнению. И когда пришел черед нормандцев, бароны Нормандии собрались вместе и устроили между собой совещание о том, что ответить. В итоге с ответом было поручено выступить сир д'Аркуру² (ведь тогда еще не было ни графов Аркурских, ни Танкарвильских, – эти титулы были учреждены только в 1339 году³). Затем сир д'Аркур явился в Вернон, в указанное место, предстал перед королем и всеми его баронами и сказал: «Господа! Бароны Нормандии поручили мне, как самому малому и несведущему, высказать их волю. То, что я сейчас скажу, будет от их имени и с их согласия.

Верховный государь! Ваши предки – короли Людовик Святой, Филипп Красивый и другие – мирно правили нами, соблюдая вольности Нормандии, в подтверждение чего они выдавали нам

---

¹ Филипп VI де Валуа (1293 – 1350), король Франции с 1328 г.

² Годфруа д'Аркур (? – 1356), третий сын Жана III, сеньора Аркура (ум. 1329), и Алисы Брабантской (ум. 1315). К 1330 г. получил сеньорию Сен-Совер-ле-Виконт на полуострове Котантен (северо-запад Нормандии).

³ Хронист ошибается: титул графа Аркурского был учрежден в 1338 г., а графа Танкарвильского – в 1352 г.

такие вот грамоты, скрепленные вислыми печатями зеленого воска на шелковых шнурах. Соболаговолите же, по вашей доброй милости, признать и подтвердить в новой хартии наши вольности и свободы, и обещайте их мирно соблюдать. За эту вашу печать мы дадим вам 100 тысяч ливров, а кроме того, пообещаем вам, под залог нашего движимого имущества и наследственных владений, что если король Англии вторгнется в ваши земли (а он может напасть на вас только через морские рубежи Бретани, Нормандии или Пикардии), мы за наш собственный счет сразимся с ним и доставим вам его, мертвым или пленным, в вашу парижскую темницу, или же сами все поляжем в бою».

Выслушав этот ответ, король Филипп так обрадовался, что это было великое диво. И сказал он: «Клянусь моим именем (так он обычно клялся), это очень благородный и любезный ответ».

Однако было уже поздно и настало время идти обедать. На следующий день король собрал своих баронов из других земель и сказал им: «Милые сеньоры! Вы слышали ответ нормандцев. Он кажется мне прекрасным и любезным. Что вы посоветуете в связи с этим?»

Тогда завистники нормандцев – такие как бургундцы и другие – стали возражать. И в частности мессир Филипп де Нуайе⁴ сказал перед всеми: «Сир, сир! В том ответе, который вам вчера дали нормандцы, проявилась их великая гордыня и великая самонадеянность. Сир, вспомните, что они – ваши люди, которые должны приносить вам клятву верности, оммаж и на основании этого держать от вас свои земли. Если вы издадите постановление по их запросу, и они исполнят свой замысел, то впредь уже никогда не станут повиноваться вам, возгордясь от великой чести, которая им выпадет. Поэтому сделайте иначе: объявите воинский сбор в определенном месте – там, где постановит ваш совет, и призовите нормандцев как ваших подданных вместе со всеми другими. Если король Англии переправится через море и вторгнется в вашу землю, вы выступите против него с самыми большими силами, какие только сможете собрать. Вот тогда вы и увидите, кто вам друг, а кто враг. Вы сможете лучше выдержать бремя битвы, имея при себе все ваши силы, нежели только нормандцев. И весь почет достанется вам, а не им».

Из-за этого совета случилось великое зло и несчастье, как вы услышите далее.

Когда Годфруа д'Аркур, младший брат названного сира д'Аркура, услышал ответ короля и баронов, то крайне огорчился и сказал, что, несмотря ни на что, нормандцы останутся при своих вольностях, а иначе королевство Французское понесет такой ущерб, какого еще никогда не было, etc. Эти слова донесли королю, и было послано за Годфруа д'Аркуром etc., но его не нашли etc., ибо он уже скрылся etc. После этого он заключил союз с Англией, как вы услышите далее etc.

Теперь оставим эту тему и расскажем о короле Франции, который был женат на королеве [Жанне] Бургундской⁵.

[О кознях, которые строила против нормандцев королева Франции, Жанна Бургундская]

Король Филипп [VI] был женат на дочери герцога Бургундского. Она была х[ромоногой] и самой злобной из всех, кто когда-либо сс...л из п...ды на землю⁶. Она особенно ненавидела

---

⁴ Филипп де Нуайе – сын Миля де Нуайе и Жанны де Монбельяр.

⁵ Жанна Бургундская, прозванная Хромоножкой (1296 - 1348), дочь Робера II, герцога Бургундского; с 1313 г. супруга Филиппа де Валуа, будущего короля Франции.

нормандцев и паче всего простолюдинов. И говорила, что простолюдин – купец иль горожанин – должен иметь не более пяти су и лишь одного осла, а одежду носить только из полотна. И по своей великой зловредности она пыталась убить одного из самых лучших и благочестивых рыцарей Нормандии, мессира Робера Бертрана⁷, которого звали *Рыцарь Зеленого Льва*⁸. Он разбил короля Арагона в его земле и был одним из тех рыцарей королевства, коих король [Филипп] особенно любил. Королева же впадала в ярость оттого, что он был нормандцем. И столь он был силен, что никто не осмеливался вступить с ним в поединок, ибо ударом копья или иного оружия он укладывал наземь всякого. Но однажды королева всё-таки придумала, как его погубить.

И вот случилось, что *Рыцарь Зеленого Льва* прибыл в Париж, и королева об этом узнала. Тогда велела она написать от имени короля одну грамоту, адресованную прево Парижа, каковой был кумом названного рыцаря. В грамоте повелевалось, чтобы прево, под страхом веревки, тотчас и немедля, без малейшей задержки и невзирая на любые другие грамоты и приказы, которые могут этому противоречить, взял под стражу королевского изменника, чья вина установлена, мессира Робера Бертрана, доставил его к Монфоконской виселице и там повесил за шею. И была эта грамота полностью написана и лежала наготове в потайном месте. Вечером королева легла с королем в постель и учинила ему такие великие ласки, что он с ней сблизился, а затем уснул. Когда она убедилась, что он спит крепким сном, то взяла из его кошелька тайную королевскую печать и скрепила ею грамоту.

Утром она встала раньше короля и послала к прево Парижа своих доверенных людей с одной грамотой, которая содержала вышеназванный приказ. И когда прево ее прочел, то был так расстроен, что сильнее некуда. Придя в дом к названному *Рыцарю Зеленого Льва*, прево застал его в спальне как раз тогда, когда он поднимался с постели. Рыцарь приветствовал своего кума, прево Парижа, и сказал ему «добро пожаловать!» Тут прево расплакался и сказал: «Дорогой кум, я вам принес слишком тяжелую весть!» – и показал ему грамоту, присланную злыдней королевой.

Когда рыцарь увидел эту грамоту и понял, что в ней заключена его смерть, то ужаснулся и сказал прево, своему куму: «Против этого нет никаких средств, и от вас тут ничего не зависит. Однако я никогда не совершал измены в отношении короля, из-за которого должен теперь принять смерть. И если вы позволите, чтобы я переговорил с ним и попытался оправдаться, прежде чем меня казнят, то окажете мне очень большую любезность». Прево, искренне его любивший, ответил: «Даже если мне придется принять смерть вместе с вами, я всё равно отведу вас к королю!»

Затем они вышли из дому и направились туда, где находился король, который еще ничего не знал о случившемся. Когда он их увидел, то оказал им очень теплый прием и спросил: «Что с вами?! Вы мне кажетесь очень испуганными!» Тут вручили они ему грамоту, скрепленную его тайной печатью. Просмотрев ее, король пожелал узнать, откуда это исходит, и заподозрил, что тут не обошлось без его жены. Поэтому затворил он ее в одном укромном покое и силой принудил сознаться во всех ее кознях. И поколотил ее король факелом так, что чуть не убил. После этого случая ему пришлось всегда хранить свою печать запертой на два ключа – и ему, и всем другим королям, которые правили во Франции по сию пору. Рыцарь же вернулся к себе, полностью свободный и

---

⁶ В тексте оригинала сказано: “...et etoit b... et fu la plus malvesse qui omques pissat de con sur terre”. Слово «b...» в тексте размыто и не поддается прочтению. По всей видимости, под ним следует понимать «boiteuse» («хромоногая»). Словом «con» во времена Кошона называли женский половой орган.

⁷ Робер Бертран VIII (1285 – 1348), барон де Брикбек, виконт де Роншвилль; сын Робера Бертрана VII, барона де Брикбека (ум. 1290), и Алисы де Нель. Состоял в браке с Марией де Сюлли, дочерью Анри де Сюлли, главного виночерпия Франции. В 1325 г. стал маршалом Франции.

⁸ На гербе Робера Бертрана VIII де Брикбека был изображен зеленый лев.

избавленный от опасности. Однако оставим этот рассказ и поведаем о другом коварном замысле королевы.

Во времена короля Иоанна⁹, сына короля Филиппа де Валуа и названной королевы, архиепископ [Руанский] де Мариньи¹⁰ долгое время находился под Бордо и держал его в осаде. Затем он вернулся назад, ни в чем не преуспев. И когда он прибыл ко двору, королева, которая его смертельно ненавидела, сделала ему приветственный знак рукой и молвила: «Милый отче, вы пережили много невзгод, лишений и трудных ночей ради блага этого королевства. Мы с моими дамами окажем вам самый теплый прием и сделаем всё, чтобы вы хорошо отдохнули. Ведь вы этого весьма заслуживаете! Завтра мы приготовим для вас горячую ванну, – она вам необходима».

Архиепископ всеми силами стал отказываться, но все-таки был вынужден уступить. Затем, расстроенный из-за того, что не смог отказаться, он сказал об этом герцогу, сыну королевы. Тот ему ответил: «Милый отче, я приму ванну вместе с вами», - а затем сказал своей матери: «Велите приготовить две ванны: одну – для нас, а другую – для архиепископа». Тогда королева очень сильно огорчилась, и была бы рада уклониться от этого, но не смогла.

Когда, в соответствии с приказанием, ванны были готовы, герцог сказал архиепископу: «Милый отче, вы войдете в мою, а я – в вашу». Услышав это, королева окончательно расстроилась и, страшась за жизнь своего сына, сказала ему, чтобы он ни в коем случае так не делал. Тогда поняли все, что тут есть какой-то злой умысел. Герцог взял одну собаку и бросил ее в ванну архиепископа. Собака выскочила оттуда и умерла у всех на виду.

Узнав об этом, король разгневался. И была королева вновь заперта в комнате и избита факелом, как прежде.

Теперь оставим рассказ об этих кознях и поговорим на другую тему. <...>

(1392)

[Начало безумия короля Карла VI Французского]

Теперь, после всех вышеописанных событий, послушайте рассказ о начале болезни короля Карла II¹¹.

В прежние времена герцог Бретонский¹² постоянно выказывал королю Англии больше дружелюбия, нежели королю Франции. Это ясно было видно во многих случаях – как во Фландрии,

---

⁹ Иоанн II Добрый (1319 – 1364), король Франции с 1350 г.; до восшествия на престол был герцогом Нормандским и графом Анжу и Мэна. Пьер Кошон допустил неточность то ли по собственной рассеянности, то ли скопировав ошибку из письменного источника, которым он пользовался. Когда герцог Жан Нормандский взшел на французский престол под именем Иоанна II (1350), его матери, королевы Жанны Бургундской, уже два года как не было в живых. Поэтому хронисту следовало выразиться так: «В те времена, когда король Иоанн еще был герцогом Нормандским...»

¹⁰ Жан I Мариньи (? – 27 декабря 1351 г.), младший брат Анггеррана Мариньи (ок. 1262 – 30 апреля 1315 г.), знаменитого коадьютора и советника Филиппа IV Красивого. Жан I Мариньи стал епископом Бове 8 января 1313 г., архиепископом Руанским – 14 мая 1347 г. Член королевского совета в правление Филиппа VI; в марте 1339 г. назначен королевским наместником в землях Гаскони.

¹¹ По мнению Пьера Кошона, восшествие на престол Филиппа де Валуа в 1328 г. стало точкой отсчета для новой династии французских монархов, сменившей династию Капетингов. Поэтому хронист называет короля Карла V Мудрого Карлом I, а его сына Карла VI, соответственно, Карлом II.

о чём выше уже говорилось, так и в других местах. И вот, по его совету и наущению, в Париже, лучшем из городов, коими владеет король Франции, мессир Пьер де Кран¹³, рыцарь, устроил засаду на мессира Оливье де Клиссона¹⁴, коннетабля Франции, который находился тогда в названном городе Париже. Это случилось между девятью и десятью часами вечера, в праздник Тела Господня 1392 года; и был коннетабль ранен, избит и изувечен весьма жестоко¹⁵. В следующий понедельник три человека, которые участвовали в этом деле, были схвачены, а через неделю, в понедельник, им отрубили в Париже головы¹⁶.

Из-за этого события король Франции объявил очень большой военный сбор, чтобы идти на герцога Бретонского и сокрушить его. Выступив из Парижа, король направился в Сен-Жюльен-дю-Ман¹⁷, где должен был состояться военный сбор и смотр. Однако это не нравилось его брату [Людовику Орлеанскому]¹⁸, который был против короля в сговоре с герцогом Бретонским и стремился умертвить его, чтобы самому стать королём; поэтому велел он отравить короля в Ле-Мане¹⁹. И вот, в понедельник, 5 августа 1392 года, когда король увидел, что его люди уже собрались, смотр проведён и пора выступать в сторону Анжюна²⁰, он, облачённый в полный доспех, с басинетом²¹ на голове и мечом в руке, сел на рослого боевого коня. И тут он [вдруг] совсем вышел из ума и помчался, повергая наземь рыцарей и оруженосцев. Никто не осмеливался к нему приблизиться, ибо он ранил добрых сорок человек; и надеялись [некоторые], что конь унесёт его, и он угодит в какую-нибудь чащобу или заросли кустарника, и там убьётся. Тем не менее его удалось насильно схватить и уберечь, из-за чего некоторые были совсем расстроены.

Таким образом, поход на Бретань был сорван.

А ведь добрый король Карл любил своего брата Людовика так, как только может один человек любить другого! Он сделал его герцогом Орлеанским, и, если королевские дядья и прочие советники отдавали какое-нибудь дельное распоряжение, но оно не нравилось королевскому брату, король тотчас всё отменял. Такую любовь и доверие питал он к нему! А сказанный брат только и думал, как бы погубить короля, ибо никогда ещё среди людей не было такого злобного создания; и умер он тоже злой смертью, как вы услышите далее.

---

¹² Жан IV де Монфор, герцог Бретонский в 1364 – 1399 гг.

¹³ Пьер де Кран (1350 – 1409), второй сын Гильома I де Крана, виконта Шатодёнского, и Маргариты Фландрской из дома Кревкёр. Владения Пьера де Крана располагались преимущественно в Мэне и Анжу. В конце 80-х годов он стал камергером Карла VI Французского и его брата Людовика Орлеанского; исполняя важные дипломатические поручения, удостоился многих королевских милостей. Однако летом 1391 г. он внезапно подвергся опале и был вынужден бежать ко двору герцога Жана IV Бретонского, который убедил его, что главным виновником его несчастья следует считать Оливье V де Клиссона, коннетабля Франции.

¹⁴ Оливье V де Клиссон (1326 – 1407), сын Оливье IV де Клиссона и Жанны де Бельвиль; коннетабль Франции в 1380 – 1392 гг.

¹⁵ Покушение на коннетабля состоялось в ночь с 13 на 14 июня 1392 г. Раненый в ноги и голову, коннетабль упал с коня в приоткрытую дверь находившейся рядом пекарной лавки, что, вероятно, и спасло его от гибели.

¹⁶ Большинству непосредственных участников покушения удалось скрыться (их было не менее 20-ти, включая самого Пьера де Крана).

¹⁷ Сен-Жюльен-дю-Ман – монастырь и церковь к северу от города Ле-Ман, в графстве Мэн.

¹⁸ Хронист ошибается, говоря, что военная инициатива Карла VI не встретила одобрения у его младшего брата. На самом деле решительными противниками похода в Бретань были королевские дядья, герцоги Филипп Бургундский и Жан Беррийский. Они считали, что покушение на коннетабля Франции не является достаточным поводом для вторжения в Бретань и разрыва перемирия с герцогом Бретонским.

¹⁹ Ле-Ман – главный город в графстве Мэн.

²⁰ В оригинале стоит «Angiènz». Вероятно, имеется в виду город Анжер.

²¹ Вид боевого шлема.

После того как монсеньор Оливье де Клиссон, сильно изувеченный, оказался в опале у названного королевского брата [герцога] Орлеанского²², он уехал в Бретань, повёл большую войну против герцога Бретонского и господствовал в поле до тех пор, пока они не заключили между собой мирное соглашение²³. И был он смещён с должности коннетабля, и вместо него назначили графа Э²⁴. И были посажены в парижскую темницу мессир Бюро де Ла-Ривьер, сир Жан Ле-Мерсье²⁵ и Ги Кретьен²⁶, но затем они были освобождены, поскольку смогли убедительно оправдаться, доказав с помощью грамот, что они ничего не делали, кроме как по велению короля Карла²⁷, отца короля нынешнего, - как в связи с вторжениями англичан во Францию, так и во всех других делах.

После всех этих событий, когда коварный герцог Орлеанский промахнулся в расчётах на смерть своего брата короля в Сен-Жюльен-дю-Мане, он всю оставшуюся жизнь постоянно злоумышлял, как бы его погубить, несмотря на то, что король был очень любим своим народом. И вот случилось, что во вторник, на следующий день после дня Святого Юлиана, в 1392 году, после одной свадьбы²⁸ в Сен-Польском дворце²⁹ было устроено шаривари ряженных людей³⁰, среди коих был и сам король, и многие другие, как вы услышите. Король и его товарищи оделись в костюмы из кожи, которая

---

²² На самом деле Оливье V де Клиссон подвергся опале со стороны королевских дядьёв, герцогов Бургундского и Беррийского. Воспользовавшись первым приступом безумия Карла VI, они взяли власть в свои руки и отстранили от управления всех так называемых «мармузетов» – сановников и служащих, доставшихся Карлу VI в наследство от его отца. Постановлением Парламента от 19 декабря 1392 г. Оливье де Клиссон был объявлен государственным изменником, смещён с должности коннетабля, приговорён к изгнанию и выплате 100 тысяч франков в королевскую казну.

²³ Это мирное соглашение было заключено в июне 1395 года.

²⁴ Филипп д'Артуа (1358 – 1397), сын Жана д'Артуа (ум. 1387), графа Э, и Изабеллы де Мелён (ум. 1389). Унаследовал графство Э от своего старшего брата Робера IV д'Артуа в 1387 г. Филипп д'Артуа официально занял должность коннетабля 31 декабря 1392 г., после того как с неё был смещён Оливье де Клиссон. Уже вскоре, в январе 1393 г., он вступил в брак с Марией, дочерью герцога Жана Беррийского. В 1396 г. принял участие в крестовом походе против турок и попал в плен в битве при Никополе. Умер в турецком плену 15 июня 1397 г.

²⁵ «Мармузеты» Бюро де Ла-Ривьер и Жан Ле-Мерсье сначала содержались под стражей в Лувре, а затем в бастилии Сент-Антуан. В январе 1394 г. король издал указ о том, чтобы обоих узников выпустили на свободу и вернули им конфискованное имущество.

²⁶ Ги Кретьен, балы Руана и Жизора, главный королевский советник по вспомогательным налогам (эдам); состоял в браке с Марией де Клер.

²⁷ Т.е. Карла V Мудрого.

²⁸ Речь идёт об очередном замужестве Катерины Немецкой или Фаставаринской (Catherine d'Alleman, de Fastavarin), придворной дамы из свиты королевы Изабеллы Баварской. Это была уже третья или даже четвёртая свадьба в её жизни. Мужьями Катерины последовательно становились сир де Канреми, сир д'Энсевиль и, вероятно, Робине де Бошьен, однако все они умирали один за другим. Наконец, Карл VI подыскал вдове нового жениха, родом то ли из Германии, то ли из Вермандуа. Бракосочетание состоялось 28 января 1393 г. (Подробнее см.: *Collas, Emile. Valentine de Milan. Paris, 1901. P. 170 – 172*). Следует отметить, что столь вольное отношение к «тайнству брака» рассматривалось Церковью и обществом как предосудительное. Последующее «шаривари», хотя и не имело целью оскорбить новобрачных, недвусмысленно указывало на странные, выходящие за обычные нормы, обстоятельства их союза.

²⁹ Дворец Сен-Поль представлял собой целый комплекс зданий-особняков и был излюбленной резиденцией Карла VI и его брата Людовика Орлеанского.

³⁰ «Шаривари («кошачий концерт») – игра ряженных, во Франции входила в святочно-новогодний обрядовый комплекс. Участники шаривари «изгоняли старуху» - воплощение уходящего года... [Однако] ритуальный смысл шаривари постепенно забывали. Обряд переродился в жестокое осмеяние человека, чей брак считали ненормальным. Дикий кошачий концерт исполняли под окнами пожилого вдовца, который женился на юной девушке, или вдовы, заключившей брачный союз с молодым человеком. Жестоко потешались над мужем, которого поколачивала сварливая супруга, глумились над скрягой или женщиной лёгкого поведения – теми, кто нарушал общепринятые нормы... Не одобряемые духовенством шаривари с их «карнавальная свободой» нередко приводили к скандальным происшествиям» (*Даркевич В.П. Народная культура средневековья. М., 1988. С. 120*).

облегала их тела, бёдра, ноги и руки столь плотно, что они казались совсем голыми. Затем, с помощью смолы, их облепили конопляной паклей, чтобы они имели вид дикарей³¹. Так вырядившись, они вбежали в зал Сен-Поль, где присутствовали дамы. Тут менестрели давай играть, а ряженные – плясать, и было то ночью, при свете факелов.

Коварный герцог Орлеанский задумал сжечь короля, своего брата. Взяв один факел, он, словно бы развлекаясь, коснулся им пакли на ряженных. Тут бы и сгореть королю, если бы не дамы, которые прикрыли его своими платьями и затушили огонь³². По воле Господа, он не пострадал, но четверо других, которые не смогли получить помощи, сгорели заживо и скончались в тех кожаных нарядах, что были на них. Одним из этих четырёх был граф Жуаньи, вторым – бастард де Фуа, третьим – Эврар де Пуатье, а четвёртым – оруженосец из свиты герцога Бурбонского³³. Из-за этого горожане Парижа, охваченные волнением, потребовали предъявить им короля, и он показался на следующий день, проехав по улицам³⁴. А иначе парижане напали бы на монсеньора Орлеанского. Итак, он вторично потерпел неудачу в своём замысле.

И в субботу, после дня Очищения Богородицы³⁵, один видный парижский богослов, уроженец Руана по имени мэтр Жиль де Шан³⁶, выступил перед королём с проповедью и объяснил, что Бог его любит и чудесным образом спасает, ибо не желает, чтобы он умер до срока; поэтому пусть король, ради Бога, всеми силами постарается восстановить церковное единство³⁷. Тогда сказал король, что сделает всё возможное и отдаст на то своё сердце, тело и власть. Однако ему сильно

---

³¹ О «диком человеке», частом персонаже средневековых карнавалов, см.: *Даркевич В.П.* Ук. соч. С. 122.

³² Фруассар сообщает, что короля уберегла от смерти юная Жанна Булонская, супруга герцога Жана Беррийского. Сначала она шутливой беседой удерживала Карла VI в стороне от других ряженных, а затем, когда начался пожар, накрыла короля своей юбкой, чтобы огонь не перекинулся на него (KL. Т. 15. Р. 88, 89).

³³ Эта трагедия вошла в историческую литературу как «Огненный бал» или «Бал пылающих» (*Le bal des Ardants*). Все хронисты указывают, что от огня погибли четверо из шести участников «шаривари». Уточним их имена: 1) Жан де Нуайе, граф Жуаньи, сын Миля де Нуайе, графа Жуаньи, и Маргариты де Вантадур; 2) Ивэйн де Фуа, внебрачный сын Гастона III Феба, графа Фуа и виконта Беарна; 3) Эврар (в других источниках Жак, Шарль или Эмар) де Пуатье, который, согласно Фруассару, был сыном графа Валентинуа; 4) Юг де Гизе, рыцарь из Бурбоннэ. Пятый ряженный, Рено де Нантуйе, уже охваченный пламенем, успел вбежать в винную кладовую (*bouteillerie*) и бросился в ушат с водой, где полоскали чаши и кубки. Это спасло ему жизнь, хотя ожоги всё равно были сильными (KL. Т. 15 р. 89). Шестой и главный участник маскарада, король Карл VI, отделался лишь испугом.

³⁴ По словам Жювеналеа дез Юрсена, в тот день «сделали две вещи: во-первых, заказали заупокойную службу по погибшим, красивую и достойную; во-вторых, король и принцы крови совершили пешее паломничество в часовню Мучеников, что у подножия Монмартра, дабы затем, в благочестивом [состоянии духа], вернуться в собор Богоматери. И лишь один король проделал этот путь верхом на коне, а его братья, дядья, другие [принцы] крови и множество дворян шли босыми ногами. Таким образом дошли они до собора Богоматери, где их очень почётно встретили епископ, каноники, капелланы и [прочие] церковнослужители. Затем они сделали подношения и сотворили молитвы; и была там отслужена очень красивая месса, и [слушатели] обильно проливали слёзы, благодаря Господа за милость, оказанную королю» (*Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France, avec notices littéraires*. Par J.-A.-C. Buchon. Т. 4. Paris, 1961. Р. 380).

³⁵ В 1393 г. день Очищения Богородицы пришёлся на понедельник, 3 февраля. Соответственно, проповедь Жили де Шана была произнесена 8 февраля 1393 г.

³⁶ Жиль де Шан (ок. 1350 г. – 15 марта 1415 г.), сын Робера де Шана, мэра Руана, и Томассы де Модетур; доктор теологии, выпускник Наваррского коллежа; 8 июня 1380 г. Жиль де Шан стал каноником Руанского собора и в этом качестве вёл переговоры о возможном отречении антипапы Бенедикта XIII; вскоре стал исповедником Карла VI и придворным раздатчиком милостыни, а позднее, в 1408 г., епископом Кутанса. В 1409 г. участвовал в Пизанском церковном соборе как представитель короля и епископ Кутанса. Антипапа Иоанн XXIII назначил его своим кардиналом 6 июня 1411 г.

³⁷ С самого начала Великой Схизмы видные представители Парижского университета настойчиво выступали за скорейшее преодоление церковного раскола, предлагая для этого различные пути и методы, нередко весьма радикальные.

мешала великая беда³⁸, которая, стараниями брата, обрушилась на него и его королевство в Сен-Жюльен-дю-Мане.

Далее, в следующее лето король со своим великим советом и великий совет Англии съехались в Амьене и провели встречи, дабы договориться о мире³⁹; но там короля вновь охватил вышеназванный недуг, так что ничего не было сделано; и не отпускал его этот недуг до самого дня Святой Екатерины⁴⁰. Один лекарь из Лиона-на-Роне взялся вылечить короля, но не смог⁴¹, и, короче говоря, этот недуг оставался с ним до самой смерти. И говорил народ, что король бывает здоров или болен в зависимости от желания монсеньора Орлеанского. <...>

(1404 – 1407)

[Противостояние между Людовиком Орлеанским и Жаном Бесстрашным]

В ту пору королевский брат монсеньор Орлеанский, пользуясь тем, что король был не в здравом уме, стремился получить под своё управление Нормандию и даже сумел испросить на то грамоту у короля⁴². И вот выехал он из Парижа, чтобы явиться в Нормандию и на основании этой грамоты завладеть нормандскими замками и городами. Он уже добрался до Вернона⁴³, как вдруг, находясь там, получил донесение, что к королю вернулся разум. Испугавшись, что кто-нибудь станет чинить препятствие его делам, он поспешил назад, как Бог того хотел: ведь если бы герцог продолжил своё дело и своё путешествие, то получил бы ключи и знаки покорности от всех вышеназванных городов и замков – никто не стал бы ему перечить. Между тем дофин, старший сын короля⁴⁴, был осведомлён через некоторых зложелателей герцога Орлеанского, что названный герцог желает исключить из его наследства герцогство Нормандское, каковое является одним из самых прекрасных [владений] в королевстве Французском. Король тоже был крайне встревожен по этому поводу, ибо вовсе не думал, что брат стремится завладеть герцогством. Тогда призвал он брата к себе и потребовал назад грамоту, которую прежде дал. И вот взял её король и разорвал

---

³⁸ Т.е. психическое заболевание – перемежающееся безумие.

³⁹ На самом деле англо-французские мирные переговоры проходили не в Амьене, а в Лёлингене, местечке между Кале и Булонью (май – июнь 1393 г.). Мирное соглашение не было заключено не только из-за очередного приступа безумия, поразившего Карла VI, но также из-за сильного противодействия, на которое наталкивались в Англии мирные инициативы Ричарда II.

⁴⁰ Т.е. до 25 ноября 1393 г.

⁴¹ Автор «Хроники первых четырёх Валуа» уточняет, что этого лекаря нашёл для короля его дядя по материнской линии, герцог Людовик II Бурбонский, проездом посетивший город Лион-на-Роне (*Chronique des quatre premiers Valois (1327 – 1393)* / Publ. par S. Luce. SHF. Paris, 1862. P. 336).

⁴² В июне 1404 г. король Карл VI официально назначил Людовика Орлеанского своим «наместником и главным военачальником» в Пикардии и Нормандии, с полномочием инспектировать города и замки, военные гарнизоны и «действовать везде и во всех делах, касающихся ведения войны, ради охраны и защиты наших названных земель, как то наместнику и главному военачальнику надлежит и подобает» (См. подробнее: *Nordberg M. Les sources bourguignonnes des accusations portées contre la mémoire de Louis d'Orléans // Annales de Bourgogne. Tome XXXI. №122. Avril-Juin 1959. P. 93*). Весь рассказ Кошона о том, что Людовик Орлеанский пытался включить Нормандию в состав своих наследственных владений, является грубым искажением реальных событий и ярким примером агрессивной бургундской пропаганды.

⁴³ Вернон – город на восточной границе Нормандии, на левом берегу Сены (департ. Эр).

⁴⁴ Людовик Французский (1397 – 18 декабря 1415 г.), второй сын короля Карла VI и Изабеллы Баварской. После смерти его старшего брата дофина Карла (13 января 1401 г.) Людовик стал наследником престола, в том же году получил титул дофина Вьеннского, пэра и герцога Гиеньского. В 1404 г. женился на дочери Жана Бесстрашного Маргарите Бургундской (1393 – 1441); 31 декабря 1409 г. назначен формальным главой Королевского совета на время «отсутствия» (т.е. безумия) Карла VI.

пополам: одну часть он вернул брату, говоря: «Милый брат, возьмите эту половину: это ваша доля», - а другую вручил сыну со словами: «Всё останется вам». Так съездил каждый в своё путешествие⁴⁵.

После этой неудачи брат короля стал думать, как бы поправить дело. Между тем его кузен, герцог Бургундский⁴⁶, хотя и не был тогда в Париже, знал обо всех этих событиях и тоже не дремал. Каждый из них помышлял о своих делах, но ещё не распустился меж ними бутон вражды. И вот узнал королевский брат, что его бургундский кузен заключает большие союзы, чтобы прибыть к королю в Париж, поскольку его старшая дочь⁴⁷ была супругой старшего сына короля, и считалось, что она станет королевой Франции, когда Бог пожелает. Кроме того, сын герцога Бургундского женился на одной из [младших] дочерей короля⁴⁸, а герцог Бретонский – на старшей⁴⁹.

Итак, случилось, что герцог Орлеанский, брат короля, узнал, что герцог Бургундский, его кузен, собирается быть в Париже уже в середине августа 1405 года и вполне может создать препятствия для его замыслов. Поэтому он решил, что если станет держать дофина и его жену под охраной в своих владениях, в одной из своих крепостей, это послужит к его выгоде⁵⁰. И вот устроил он так, что брат⁵¹ королевы⁵² и видам⁵³ вывезли дофина и его жену из Парижа в носилках королевы, запряженных двумя мулами. Они удалились от Парижа, а тем временем к столице как раз подъезжал герцог Бургундский, и ему дали знать об этом увозе. Тогда он и его люди, пришпоривая коней, примчались в Париж⁵⁴, проехали через город не спешиваясь и стали преследовать носилки дофина, пока их не настигли⁵⁵; и заставили повернуть назад, несмотря на возражения

---

⁴⁵ В обычной для себя саркастической манере Пьер Кошон даёт понять читателю, что затея Людовика Орлеанского полностью провалилась. Разрыв грамоты пополам в данном случае означает не раздел Нормандии между герцогом Орлеанским и дофином, а полное дезавуирование документа.

⁴⁶ Жан Бесстрашный (28 мая 1371 г. – 10 сентября 1419 г.), сын Филиппа Храброго, герцога Бургундского (ум. 1404), и Маргариты III Фландрской (ум. 1405); граф Неверский с 1384 г.; после смерти отца унаследовал герцогство Бургундское, а после смерти матери – графства Фландрию, Артуа, Бургундию (Франш-Конте) и Ретель. В 1385 г. женился на Маргарите Баварской (1363 – 1423), дочери Альбрехта I (ум. 1404), герцога Нижней Баварии и правителя Эно, Голландии и Зеландии.

⁴⁷ Т.е. Маргарита Бургундская (1393 – 1441), дочь Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, и Маргариты Баварской. Была замужем: 1) с 1404 г за Людовиком Гиеньским (ум. 1415), сыном короля Карла VI; 2) с 1423 г. за будущим герцогом Артуром III Бретонским.

⁴⁸ Мишель Французская (1395 – 1422), младшая дочь короля Карла VI и Изабеллы Баварской; в 1409 г. вышла замуж за будущего герцога Бургундского Филиппа Доброго (1396 – 1467), старшего сына Жана Бесстрашного, герцога Бургундского.

⁴⁹ Жанна Французская (1391 – 1433), дочь Карла VI и Изабеллы Баварской; 19 сентября 1396 г. вышла замуж за будущего герцога Бретонского Жана V (1389 – 1442), сына и наследника Жана IV (1339 – 1399), герцога Бретонского.

⁵⁰ В середине августа 1405 г. Людовик Орлеанский получил донесения, что Жан Бесстрашный и его младший брат Филипп де Невер направляются из Пикардии в Париж с отрядом, насчитывающим несколько сотен латников. Не сомневаясь в их враждебных намерениях, Людовик вместе с королевой Изабеллой спешно выехал из столицы в Мелён, отдав распоряжение доставить туда же и дофина, несколькими днями позже. Обосновавшись в Мелёне, Людовик Орлеанский стал созывать отряды своих сторонников.

⁵¹ Людвиг VII Бородатый (1368 – 1447), брат королевы Изабеллы Баварской, сын Стефана III (ум. 1413), герцога Верхне-Баварского и Ингольштадтского, и Тадеи Висконти (ум. 1381); герцог Ингольштадтский с 1413 г. В 1402 г. женился в Париже на Анне де Бурбон (1380 – 1408), вдове Жана II Беррийского, графа Монпансье, дочери Жана I де Бурбон-Ла-Марш, графа де Ла-Марша, Вандома и Шартра.

⁵² Изабелла Баварская, супруга Карла VI Французского.

⁵³ Жан II де Монтэрю (ок. 1349 – 17 октября 1409 г.), видам Ланский, советник Карла V Мудрого и верховный дворецкий Карла VI; сын Жерара де Монтэрю, королевского нотариуса, и Бьотты Казинелли, «прекрасной итальянки» (брат Бьотты, Ферри Казинелли, последовательно становился епископом Лодевским, епископом Осерским и архиепископом Реймским). В 1409 г. Жан II де Монтэрю был арестован по приказу Жана Бесстрашного и обезглавлен возле Монфоконской виселицы при большом стечении народа.

⁵⁴ Жан Бесстрашный прибыл в Париж 19 августа 1405 г.

⁵⁵ Преследователи настигли носилки дофина возле деревни Жювизи (кантон Лонжюмо, департамент Эссон).

сопровождающих. Затем они прибыли обедать в парижский Лувр, и при въезде в Париж каждый кричал им «Ноэль!», радуясь оттого, что дофин вернулся. Ведь парижане боялись, что дофина увезут в Монтаржи⁵⁶, в сеньорию герцога Орлеанского, а следом за ним – и других королевских детей, и что герцог, стремясь завладеть королевством, убьёт короля или заточит его в темницу.

На следующий день Антуан, брат герцога Бургундского⁵⁷, вступил в Париж с превосходным отрядом⁵⁸ и расположился в бастилии Сент-Антуан⁵⁹. При этом он выставил из бастилии брата королевы, который был там блюстителем. По распоряжению герцога Бургундского, укрепления Лувра были дополнительно усилены, парижские улицы перегорожены надёжными барьерами и цепями, а пристройки домов – снесены⁶⁰. В ту пору в Париже были открыты только трое ворот, и каждому [горожанину] надлежало нести стражу на своем посту. И было объявлено от имени короля, чтобы никто не вёл военных действий – ни ради королевского брата, ни ради монсеньора Бургундского – во избежание неприятностей, которые могли от этого последовать. Пусть каждый охраняет свои города и замки, и пусть никто [другой] туда не входит без королевского повеления.

И желал Бургундец, чтобы королевство управлялось тремя сословиями, как это уже некогда было⁶¹, и чтобы герцог Орлеанский дал отчёт о доходах королевства, коими он распорядился три года: о поступлениях с домена, а также об эдах и двух тальях⁶² общей суммой в четыре миллиона, которые он собрал за эти три года; и чтобы королевство управлялось к выгоде короля и народа, и чтобы добрые труженики и купцы могли жить мирной жизнью, под добрым управлением.

И длилось это соперничество долгое время.

Монсеньор Бургундский был блюстителем Парижа, а герцог Орлеанский находился в Мелёне⁶³ и заключал там союзы против названного герцога Бургундского; и не могли они прийти к согласию, поскольку герцог Орлеанский желал вернуть себе прежнюю власть. Наконец он выступил из Мелёна с военной силою и прибыл в Корбей⁶⁴, а затем – в Венсеннский лес. В девятый день октября, проведя смотр своих латников [в поле] между лесом и Парижем, он подступил к городу. Тогда парижане испытали великий страх, и были ворота закрыты, дома заперты, а пристройки – снесены. Прокричали тревогу и разослали всех по сторожевым постам. Затем мессир Антуан, брат монсеньора Бургундского, выехал из Парижа через ворота Святого Михаила⁶⁵ с очень большим количеством латников – несравненно бóльшим, чем у монсеньора Орлеанского – и построил их

---

⁵⁶ Монтаржи – город и замок в области Гатинэ на реке Луэн, в 110 км к югу от Парижа (департ. Луаре).

⁵⁷ Антуан Бургундский (1384 – 25 октября 1415), второй сын Филиппа Храброго, герцога Бургундского, и Маргариты Фландрской; граф Ретельский в 1393 – 1406 гг., герцог Брабантский и Лимбургский в 1406 – 1415 гг. В 1402 г. женился на Жанне Люксембургской (ум. 1407), дочери Валерана III Люксембургского, графа де Сен-Поль и де Линьи, и Матильды Холланд. После смерти первой супруги, в 1409 г. женился на Елизавете Герлиц (1390 - 1451), герцогине Люксембургской. Погиб в битве при Азенкуре.

⁵⁸ 20 августа 1405 г. Антуан Бургундский вступил в Париж с отрядом, в котором насчитывалось 800 латников.

⁵⁹ Бастилия Сент-Антуан (впоследствии просто Бастилия) находилась на правом берегу Сены, в юго-восточной стороне города, и являлась частью укреплений, построенных вокруг Парижа по приказу Карла V Мудрого.

⁶⁰ Это было сделано, чтобы облегчить передвижение военных отрядов по улицам города.

⁶¹ Прямое указание на смутные времена 1356 – 1358 гг., когда Париж находился под управлением «трёх сословий» (Генеральных штатов), возглавляемых купеческим прево Этьеном Марселем. Фактически, Жан Бесстрашный пытался совершить государственный переворот, чтобы распоряжаться ресурсами королевства через представительный орган власти, наполненный его ставленниками и сторонниками.

⁶² Виды экстраординарных налогов.

⁶³ Мелён – город в Иль-де-Франсе, в 41 км к юго-востоку от Парижа (департ. Сена и Марна).

⁶⁴ Корбей (ныне Корбей-Эссон) – город в Иль-де-Франсе, в 29 км к юго-востоку от Парижа (департ. Эссон).

⁶⁵ Ворота Святого Михаила находились в южной, левобережной части Парижа, и от них шла дорога в сторону Этампа и Орлеана.

тремя прекрасными и внушительными полками⁶⁶. И когда Орлеанец увидел, что его рати слабее, то отступил с ними в лес.

И когда Орлеанец увидел, что его противник, Бургундец, находится в согласии со всеми другими: двумя королями, Людовиком [II Сицилийским]⁶⁷ и [Карлом III] Наваррским⁶⁸, [герцогом] Беррийским⁶⁹ и всеми советниками⁷⁰, – он заключил с ними договор, который потом постоянно продлевался⁷¹. В пятницу 22 декабря королева и Орлеанец направились в Париж, а другие, кто находился в Париже, выступили и выехали им навстречу, достойно и чинно.

Здесь следует описание того, как они все вместе вступили в Париж. Впереди всех ехали королева и её сын дофин; затем два короля, Людовик [II Сицилийский] и [Карл III] Наваррский; затем герцог Беррийский и два противника – Орлеанец и Бургундец. Они надолго задержались в Париже, ибо Бургундец не мог прийти к своей цели⁷². Все, кроме него, желали, чтобы с добрых городов была собрана талья в 600 тысяч ливров, дабы выплатить жалованье латникам с той и с другой стороны; однако названный Бургундец помешал этому. Тогда они пожелали отнять [у Бога] одну королевскую дочь, которая была монахиней в Пуасси⁷³, и выдать её замуж за одного иноземного сеньора. Король лично туда приехал и сказал дочери, что он и его советники желают выдать её замуж. Однако она ответила, что король сам отдал её в монастырь, дабы она молилась Богу, и она уже дала надлежащий обет и проживёт там до самой смерти. И был этот брак задуман лишь для того, чтобы иметь предлог для сбора оной тальи вместе с [другими] вышеназванными [налогами].

---

⁶⁶ По оценке Жана Шуза́, советника Жана Бесстрашного, собранные в Париже военные силы насчитывали 4560 «копий» и их содержание обходилось столь дорого, «что страшно сказать!» Контингенты Людовика Орлеанского были значительно меньше по численности (подробнее см.: *Schnerb B. Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre. Paris, 1988. P. 61, 62*).

⁶⁷ Людовик II Анжуйский (5 октября 1377 – 29 апреля 1417 г.), сын Людовика I (1339 – 1384), герцога Анжуйского, графа Прованского, номинального короля Неаполитанского, Сицилийского и Иерусалимского, и Марии де Блуа. Людовик II унаследовал от отца герцогство Анжу, графство Прованс и королевские титулы. 1 ноября 1389 г., находясь в Авиньоне, он был коронован как король Неаполитанский и Сицилийский в присутствии короля Карла VI Французского; 2 сентября 1400 г. сочетался браком с Иоландой Арагонской в соборе Святого Трофима в Арле (Прованс).

⁶⁸ Карл III (1361 – 1425), король Наваррский и герцог Немурский, сын Карла II (1332 – 1387), короля Наваррского, и Жанны де Валуа (1343 – 1373), дочери Иоанна II Доброго, короля Франции. Состоял в браке с Элеонорой Кастильской (ум. 1416).

⁶⁹ Жан Великолепный, герцог Беррийский.

⁷⁰ В действительности Людовик II Анжуйский, Карл III Наваррский, Жан Беррийский и Людовик Бурбонский занимали уклончивую, выжидательную позицию в конфликте Бургундского и Орлеанского домов. Находясь в Париже, при безумном короле, они пытались посредничать ради заключения мира, но отказывались поддержать проект государственной реформы, предложенный Жаном Бесстрашным.

⁷¹ 16 октября 1405 г. Людовик Орлеанский и Жан Бесстрашный заключили между собой мирный договор, клятвенно обещая, что отныне вместе будут действовать на благо королевства. Однако уже в ближайшие месяцы соперничество герцогов разгорелось с новой силой.

⁷² Т.е. не мог добиться проведения государственной реформы.

⁷³ Мария Французская (1393 – 1438), дочь короля Карла VI и Изабеллы Баварской. При рождении дочери королева дала обет, что пожертвует её Богу ради выздоровления супруга. Когда Марии исполнилось 4 года, она была отдана в доминиканский женский монастырь, расположенный в Пуасси. Поскольку надежды на исцеление Карла VI не оправдались, в 1405 г. Марии было предложено выйти замуж за будущего герцога Барского Эдуарда III, но она отказалась. В 1408 г. Мария стала монахиней, а позднее – настоятельницей монастыря в Пуасси. Скончалась от чумы 19 августа 1438 г. в Париже.

Теперь оставим рассказ на эту тему и поведаем о монсеньоре Жане де Гравиле⁷⁴, старшем сыне одного рыцаря, очень знатного рода, из земли Ко. В ту пору, в первую неделю декабря 1405 года, монсеньор де Гравиль подвергся оскорблению при дворе королевы, в присутствии герцога Орлеанского, в связи с делом одной придворной барышни по имени Шарлотта⁷⁵. Один миньон⁷⁶ названного двора, по имени Бурсико Младший⁷⁷, требовал, чтобы названный де Гравиль взял барышню в жёны, а тот не желал, и к тому же она не была ему ровней. Поэтому между ними разгорелась ссора и перебранка. Тогда названный Бурсико кинулся на Гравилья, а тот, попятившись, наступил на край своей одежды и упал. Названный Бурсико схватил его за волосы и проволол через зал, жестоко при этом избивая. Меж тем герцог Орлеанский и королева лишь потешались. Когда Гравиль смог встать на ноги, он ушёл оттуда, но знайте, что, уходя, он сказал названному Бурсико, чтобы тот берётся, ибо прежде, чем минует сей год, он отомстит за себя. Бурсико же, в своей гордыне, показал ему кукиш. И стал названный Гравиль неусыпно его выслеживать.

И вот накануне новогоднего дня⁷⁸ случилось так, что названный Бурсико ужинал в городе. Затем, после ужина, он собрался в путь и сел на своего коня. За ним последовал его паж, который нёс его меч, и один пеший слуга с факелом. Препоручая Богу тех, у кого ужинал, Бурсико молвил: «Ну вот вам и Гравиль! Если он не встретится мне этим вечером, я буду считать, что он лжец, а его слово – не слово дворянина». Ещё не знал он, что его ожидает! Так скоро, как и не думал, на одном из уличных перекрёстков⁷⁹, повстречал он своего противника, который тут же напал на него со словами: «Негодяй, защищайся!» Сброшенный со своего мула, Бурсико был избит, потрёпан и проволочён через середину грязевого стока. При этом он получил два удара мечом по голове (их следы до сих пор видны), а кроме того, у него была отрублена пятка и вывихнута рука.

Что ж, пусть мстит, когда сможет! Так иногда гордецы несут кару за свою гордыню. Теперь оставляю рассказ об этом; но я могу твёрдо сказать, что с тех пор минуло, по меньшей мере, четыре года⁸⁰, а мести нет как нет, и я не знаю, быть ли ей когда-нибудь. Итак, вернёмся к нашей прежней теме – к рассказу о наших сеньорах etc.

Между днём Святого Михаила и днём Всех Святых⁸¹, в год 1406, была собрана очень большая армия для похода в Гиень. Её предводителем был монсеньор Орлеанский. Была собрана ещё и

---

⁷⁴ Жан V Мале де Гравиль (до 1390 г. – 1449 г.), старший сын Ги Мале, сеньора де Гравилья, погибшего в битве при Вернее в 1424 г.; королевский советник, шамбеллан и хлебодар с 1414 г., королевский сокольничий с 1415 г., рыцарь-банерет с 1419 г., главный начальник арбалетчиков Франции с 1425 г. Состоял в браке с: 1) Жанной де Белланг, вдовой Рено де Три, 2) Жаклин де Монтэгу (ум. 1436), вдовой Жана де Крана, дочерью Жана де Монтэгу, видама Ланского, главного королевского дворецкого, казненного в 1409 г. Городок и сеньория Гравиль находились в восточной части Нормандии (ныне Гравиль-Сент-Онорин близ Гавра, департамент Сена Приморская).

⁷⁵ В 1405 г. Шарлотта Ла-Куашетт, придворная барышня, и Жанна, прачка королевы Изабеллы, получали, каждая, по 24 парижских ливра в качестве пенсионера (*Gilles le Bouvier dit le héraut Berry. Les chroniques du roi Charles VII. Publ. par H. Courteault et L. Celier. SHF. Paris, 1979. P. 21, n. 4*).

⁷⁶ Миньон – придворный фаворит, в данном случае – любимец Людовика Орлеанского.

⁷⁷ В оригинале сказано «Le petit Boursicaut». Речь идёт о Жоффруа Ле-Мэнгре, по прозвищу Бусико Младший (ум. после 1429 г.), королевском наместнике в Дофине. Он был младшим сыном Жана I Ле-Мэнгра, по прозвищу Бусико (ум. 1367), маршала Франции с 1356 г., и госпожи Флори де Линьер.

⁷⁸ Т.е. 31 декабря 1405 г.

⁷⁹ Согласно Жюлю Ле-Бувьё, нападение произошло на улице Вуаррери (иначе Веррери – Voirrerie, Verrerie) (*Gilles le Bouvier. Op. cit. P. 21*). Расположенная в правобережной части Парижа, эта улица шла параллельно Сене и упиралась одним концом в улицу Сен-Дени, а другим – в улицу Сент-Антуан.

⁸⁰ Из этих слов Пьера Кошона следует, что данный фрагмент своей хроники он составлял примерно в 1410 г.

⁸¹ Т.е. между 29 сентября и 1 ноября 1406 г. На самом деле военная кампания в Гиени началась ещё в сентябре 1406 г. Войско Людовика Орлеанского смогло занять несколько второстепенных крепостей, но

другая, для похода на Кале, предводителем коей был монсеньор Бургундский. Эта [вторая] армия была самой прекрасной из всех, когда-либо виденных. И было в ней три тысячи латников из Бретани и Нормандии, с хорошим снаряжением. Однако они пробыли под Кале лишь 15 дней и вернулись, ничего не сделав, из-за писем короля, который написал им, чтобы они вернулись⁸². И было то по прошению [герцога] Орлеанского, который не желал, чтобы такая честь досталась монсеньору Бургундскому⁸³.

Между тем герцог Орлеанский выступил в свой поход на Гиень, тоже с очень большим и превосходным отрядом латников. Проведя там, под Буром⁸⁴, всю зиму, он вернулся назад с великим позором, ничего не сделав, кроме того, что потерял большое количество своих людей: одни умерли от голода и болезней, а другие попали в плен к англичанам. И вернулся он на Сретение⁸⁵. Ради этих двух походов в королевстве была собрана очень большая талья, которую плохо употребили: герцог Орлеанский получил для себя 800 тысяч [ливров], из коих его латникам досталось только 120 тысяч.

Надо упомянуть, что мессир Жан де Гравиль, после того, как отомстил Бурсико, побывал с вышеназванной армией под Кале. Он выступил из Руана с превосходным отрядом, в котором были подначальные ему латники, грузовые лошади и повозки. У него самого было четыре лошади – в кожаных сбруях, покрытых красным и белым тонким сукном, с креплением из серебряных позлащенных гвоздей. К каждому рукаву его собственного одеяния было приделано по сотне золотых экю, в общей сложности – двести. Далее, на макушке его шаперона⁸⁶ было 50 английских ноблей, выложенных в виде трилистника. Далее, на его левом набедреннике было 50 экю, а на штандарте – сто экю. Так выехал он из Руана, на виду у всех, кто при этом присутствовал. И сам я, который сие написал, тоже его видел⁸⁷. Общая сумма – 350 экю и 50 ноблей.

Теперь оставим рассказ на эту тему и поведём речь о смерти монсеньора Орлеанского.

(1407)

[Убийство герцога Людовика Орлеанского]

В ту пору монсеньор Жан Бургундский, сын герцога Бургундского, брата первого короля, именуемого Карл де Валуа, и герцог Орлеанский, брат короля Карла II де Валуа, - оба они желали друг другу скорейшей смерти. Названный Орлеанец ломал голову, как бы погубить своего кузена Бургундского, поскольку очень стремился завладеть налоговыми сборами и разорить королевство,

---

хорошо укреплённые Бур и Блай не сдались ему. С наступлением январских холодов военные действия пришлось прекратить.

⁸² В сентябре 1406 г. Жан Бесстрашный собрал армию и внушительный артиллерийский парк под городом Сент-Омером, но уже в ноябре распустил все отряды, так и не предприняв каких-либо действий против Кале. Позднее бургундская пропаганда обвиняла в случившемся Людовика Орлеанского, который якобы мешал денежному снабжению армии Жана Бесстрашного. Однако реальная причина бездействия герцога Бургундского была иной: он не хотел вступать в военный конфликт с англичанами, чтобы не ставить под удар экономические интересы подвластной ему Фландрии, которая имела с Англией очень тесные торговые связи. В ноябре 1406 г. английские и бургундские представители заключили договор, гарантирующий свободное передвижение купцов с товарами между Фландрией, Кале и Англией. В этих условиях ведение наступательных операций против Кале было для герцога Бургундского делом вредным и бессмысленным (подробнее см.: *Schnerb. Op. cit.* P. 66, 67).

⁸³ Т.е. чтобы герцог Бургундский отвоевал Кале и тем самым снискал почёт.

⁸⁴ Бур (Bourg) – крепость в устье реки Дордонь, в 20 км к северу от Бордо.

⁸⁵ Т.е. 2 февраля 1407 г.

⁸⁶ Головной убор в виде капюшона или колпака.

⁸⁷ Один из редких случаев, когда Пьер Кошон пишет о себе в первом лице.

получив в своё распоряжение все его финансы. А Бургундец изо всех сил ему противостоял, тем более что его отец, герцог Бургундский, умирая, взял с него слово, что он постарается отменить все налоги и подати, которые были введены в королевстве Французском при его жизни, из-за чего он [старый герцог] чувствовал свою душу очень сильно обременённой. Сын обещал это исполнить, но ему пришлось иметь дело с очень сильным противником.

У [герцога] Орлеанского был один слуга по имени Раоле д'Анкетонвиль, нормандец, выросший при дворе монсеньора Бургундского Старшего. И вот, дарами и посулами, названный герцог Орлеанский сделал так, что Раоле согласился убить монсеньора Бургундского Младшего. Но, когда Раоле получил деньги, он пошёл к названному герцогу Бургундскому и поведал ему своё дело: как он получил деньги и как поклялся и твёрдо обязался убить названного Бургундца. Затем он сказал ему: «Сир, я ваш слуга. Ваш отец меня вырастил и сделал тем, кто я есть. А [герцог] Орлеанский всегда толкал меня лишь к гибели. Поэтому я предпочитаю лучше нарушить клятву, чем сделать то, что ему обещал».

Тогда, весь в тревоге и смятении, герцог Бургундский спросил Раоле: а не хотел бы он поступить совсем наоборот?⁸⁸ Мол, за это он вознаградит его так хорошо, насколько будет в его возможностях. Раоле ответил, что сделает это весьма охотно. Так был заключён этот союз и проведены соответствующие приготовления. И вот случилось, что в среду, в день Святого Климента⁸⁹, в год 1407, в сумерках, в восемь часов вечера, когда Людовик де Валуа, брат безумного короля, ехал ужинать к королеве⁹⁰, названный Раоле подстерёг его со своей бригадой⁹¹ близ Ле-Блан-Манто-де-Пари⁹². Тут Раоле: *Получи, милок, в голову разок!*⁹³ – а герцог вскинул вперёд руку. Удар пришёлся по руке, полностью её отсек и обрушился на голову, и была она одним махом разрублена до зубов. Так и свалился герцог наземь мёртвый.

Итак, война на этом была закончена⁹⁴. И когда о случившемся стало известно, все в Париже и других местах говорили: «Благословен будь тот, кто нанёс такой удар! Ибо если бы герцог Орлеанский прожил дольше, он разорил бы всё королевство». Ведь он приказал, чтобы к

---

⁸⁸ Т.е. убить герцога Орлеанского.

⁸⁹ Т.е. 23 ноября 1407 г. Пьер Кошон верно указывает дату убийства Людовика Орлеанского.

⁹⁰ На самом деле Людовик Орлеанский как раз навещал королеву Изабеллу в отеле Барбетт (Barbette), когда злоумышленники выманили его оттуда ложным донесением, сообщив, что король срочно вызывает его к себе во дворец Сен-Поль (Schnerb. Op. cit. P. 70).

⁹¹ В оригинале – «brigade».

⁹² Убийство состоялось на улице Вьей-дю-Тампль, рядом с улицей Ле-Блан-Манто (Les Blancs-Manteaux), которая вела к церкви Нотр-Дам-де-Блан-Манто.

⁹³ В оригинале сказано: «*Sache beau fanchon fiert sur bonne teste*». Валле де Виривиль полагал, что это – жаргонная фраза, которая могла быть рефреном солдатской песенки, популярной во времена Пьера Кошона (Cousinot. P. 381, n. 1). Согласно показаниям одной очевидицы по имени Жакетта, все убийцы были в масках. Сброшенный со своего мула на мостовую, герцог успел спросить: «Что это значит? От кого это исходит?» Но его зарубили без всяких объяснений (Schnerb. Op. cit. P. 71). Хронист Ангерран де Монстреле сообщает, что, когда ударом секиры герцогу отсекали кисть руки, он громко воскликнул: «Я герцог Орлеанский!» – на что ему ответили: «Тебя-то нам и надо!» (La chronique d'Enguerrand de Monstrelet / Publ. par L. Douët Darcq. SHF. Paris, 1857. T. I. P. 156. Далее = Monstrelet).

⁹⁴ Довольно странное замечание хрониста, если учесть, что убийство герцога Орлеанского стало причиной затяжной гражданской войны между «бургундцами» и «арманьяками».

ближайшему Сретению⁹⁵ была собрана талья в 1700 тысяч [ливров]. Вот и получил свою долю. И был он погребён у Целестинцев⁹⁶ в Париже.

На следующий день после случившегося все терялись в догадках: кто мог это сделать? И тогда, через день, монсеньор Бургундский, кузен почившего, с хорошим сопровождением предстал перед общим советом и сказал, чтобы никого, кроме него, не винили в смерти герцога Орлеанского, а «кто за него желает отомстить – пусть мстит; и Богу вас препоручаю!»⁹⁷ Поскольку его кони были уже наготове, а дела улажены, он сел верхом и уехал в свои владения, взяв с собой Раоле д'Анкетонвиля; и проехал в тот день добрых 20 лье.

Герцогу Бургундскому оказали [хороший] приём в его владениях⁹⁸, а затем были назначены определённые дни в середине января для съезда в Амьене; и там состоялось очень большое собрание, на котором присутствовали король Людовик [Сицилийский], герцог Анжуйский, монсеньор Беррийский и множество знати, дабы выслушать оправдания герцога Бургундского⁹⁹. Они провели там немного времени, и о том, что между ними было решено, не знал никто, кроме короля Людовика [Сицилийского] и [герцогов] Беррийского и Бургундского. И был назначен день для собрания в Париже – 20 февраля. В этот день туда прибыли: герцог Бретонский¹⁰⁰ с большим количеством латников, король Людовик [Сицилийский] и герцог Беррийский. Затем прибыл герцог Бургундский со своими графами, баронами и хорошим [военным] сопровождением, чтобы быть более сильным, если потребуется. Он вступил в Сен-Дени в субботу, 25 февраля; и туда приехали к нему король Людовик [Сицилийский] и герцог Беррийский. Они отобедали вместе, выказывая друг другу очень большое радушие, и побеседовали, о чём желали. А в ближайший вторник, в день Заговенья¹⁰¹, в девятом часу герцог Бургундский вступил в Париж, сопровождаемый сильным отрядом латников с неприкрытым вооружением, а также лучниками и арбалетчиками. При этом 12 пеших латников, сильных и храбрых, ограждали его со всех сторон. И поехал он прямо в Лувр –

---

⁹⁵ Т.е. ко 2 февраля 1408 г.

⁹⁶ Целестинский монастырь находился между дворцом Сен-Поль и Орлеанским отелем, в юго-восточной части Парижа, на правом берегу Сены. Оказывая монастырю щедрое покровительство, Людовик Орлеанский возвёл там часовню, которая стала родовой усыпальницей его семейства.

⁹⁷ Пьер Кошон идеализирует и обеляет Жана Бесстрашного: на самом деле герцог сознался в содеянном лишь после того, как ему стало ясно, что следствие в любом случае установит истину. Это случилось в Королевском совете 25 ноября 1407 г. Когда на следующий день Жан Бесстрашный снова пришёл в Королевский совет, ему воспретили участвовать в заседании. Испугавшись возможного ареста, он спешно покинул Париж.

⁹⁸ Сначала Жан Бесстрашный прибыл в город Лилль и собрал на экстренное совещание своих вассалов и подданных, представителей знати, духовенства и горожан. Убедившись в их твёрдой поддержке, он затем устроил большое собрание во фламандском городе Генте и велел своему советнику Симону де Со, аббату Мутье-Сен-Жан, выступить с речью, оправдывающей убийство Людовика Орлеанского (*Coville A. Jean Petit. La question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. Genève, 1974. P. 97*). Как сообщает хронист Ангерран де Монстреле, эта речь была очень похожа на ту, с которой позднее выступил в Париже мэтр Жан Пти (*Monstrelet. P. 172*). Однако её текст не сохранился.

⁹⁹ Переговоры в Амьене проходили во второй половине января. Опасаясь военного могущества и общественной популярности Жана Бесстрашного, герцоги Анжуйский и Беррийский пытались прийти с ним к компромиссу. Они думали, что он желает получить помилование у короля за своё преступление и предлагали ему содействие. Однако Жан Бесстрашный открыто похвалялся совершённым деянием и заявлял, что рассчитывает на признательность со стороны короля и его совета. По распоряжению герцога, шестеро видных богословов и законоведов, среди которых были Симон де Со и Жан Пти, выступили в Амьене с публичными речами, всячески оправдывая убийство Людовика Орлеанского. В итоге герцоги Анжуйский и Беррийский, скрепя сердце, были вынуждены согласиться на продолжение переговоров уже в Париже (*Coville A. Op. cit. P. 100 – 103*).

¹⁰⁰ Жан V де Монфор (24 декабря 1389 г. – 29 августа 1442 г.), сын Жана IV де Монфора, герцога Бретонского, и его третьей супруги Жанны Наваррской; герцог Бретонский с 1399 г.; 19 сентября 1396 г. женился в Париже на пятилетней Жанне Французской (1391 – 1433), дочери Карла VI.

¹⁰¹ День Заговенья (*Caresme-pegnant*), т.е. 28 февраля 1408 г.

повидать дофина, женатого на его дочери, каковой устроил ему очень большое чествование; и герцог нисколько не опасался, что простонародье Парижа причинит ему какое-нибудь зло. Затем он переехал через Сену и прибыл на обед к герцогу Беррийскому.

Находясь в Париже, он взял на себя очень большую смелость: велел огласить в просторном зале дворца Сен-Поль¹⁰² свои оправдания по поводу смерти названного [герцога] Орлеанского. Здесь далее вы услышите содержание этой речи, сказанной в присутствии старшего сына короля, герцога Гиеннского и дофина Вьеннского, короля Людовика [Сицилийского] и герцога Анжуйского, короля Наваррского, герцога Беррийского, герцога Бретонского, графа Клермонского¹⁰³, главного дворецкого¹⁰⁴, канцлера¹⁰⁵, рыцарей, оруженосцев и именитых горожан Парижа, - собрание было столь многолюдным, что едва смогло поместиться в названном зале.

(8 марта 1408)

[Речь мэтра Жана Пти в оправдание Жана Бесстрашного]

Оная речь была произнесена в виде проповеди в четверг, в восьмой день марта 1408 года, устами одного магистра теологии, именуемого мэтр Жан Пти¹⁰⁶, уроженца земли Ко, что в

---

¹⁰² Для этих целей Жану Бесстрашному предлагались на выбор большие залы во дворце на острове Сите или в Луврском замке, но он отверг оба варианта и потребовал предоставить ему зал во дворце Сен-Поль. Примечательно, что в день, назначенный для выступления Жана Пти, все входы во дворец были заперты и усиленно охранялись людьми герцога Бургундского: приглашённых поочерёдно впускали в зал только через одно окно (Coville A. Op. cit. P. 107 – 108). Особые меры предосторожности, предпринятые Жаном Бесстрашным, свидетельствуют о том, что он опасался возможной мести со стороны родственников и сторонников Людовика Орлеанского.

¹⁰³ Жан I де Бурбон (1381 – 1434), граф Клермонский, старший сын герцога Людовика II Бурбонского (1337 – 1410), которому он наследовал в 1410 г.; с 1400 г. состоял в браке с Марией, герцогиней Оверньской, дочерью герцога Жана Беррийского.

¹⁰⁴ Т.е. Жана II де Монтэрю.

¹⁰⁵ Жан де Монтэрю, брат предыдущего, епископ Шартрский с 1389 г., архиепископ Санский с 1406 г., председатель королевской счётной палаты с 1399 г., канцлер Франции с ноября 1405 г. по 1409 г. Погиб в битве при Азенкуре в 1415 г.

¹⁰⁶ Жан Пти (не позднее 1360 г. – 15 июля 1411 г.), родился в местечке Браши в земле Ко, в сеньории Баквиль-ан-Ко. Представители знатного семейства Мартель-де-Баквиль стали первыми покровителями Жана Пти, и он сочинил несколько посредственных поэм, прославляющих их род. Затем Жан Пти стал студентом Казначейского коллежа Парижского университета; в 1385 г. получил степень магистра искусств; в 1402 г. стал доктором богословия. К 1392 г. он уже состоял на службе у герцога Бургундского - быть может, в силу того, что часть его родни проживала в бургундских владениях. В 1395 г. вместе с другими делегатами Парижского университета участвовал в неудачном посольстве к авиньонскому антипапе Бенедикту XIII (тот отказался отречься от сана ради восстановления церковного единства и отнесся к представителям Университета с пренебрежением). После этого Жан Пти стал яростным противником авиньонского понтифика. В своих публичных выступлениях он неоднократно призывал французский клир и правительство полностью отказать Бенедикту XIII в повиновении как еретику, схизматику и клятвопреступнику. Весной-летом 1407 г. Жан Пти, как представитель Университета, снова ездил с большим посольством в Марсель к Бенедикту XIII, а затем в Рим, к новому папе Григорию XII. Цели посольства достигнуты не были: добиться добровольного отречения двух понтификов не удалось.

После убийства Людовика Орлеанского Жан Пти дважды выступал с оправдательной речью от имени Жана Бесстрашного: сначала в Амьене во второй половине января 1408 г., а затем в Париже во дворце Сен-Поль 8 марта. По распоряжению герцога Бургундского Жан Пти размножил текст своего выступления для широкого обнародования (несколько списков, предназначенных в дар знатым родственникам и сторонникам герцога, были красиво иллюминированы). Однако вдова убитого, Валентина Висконти, требовала справедливого возмездия. По её настоянию, 11 сентября 1408 г. в большом зале Луврского замка состоялось новое собрание высшей знати и духовенства. Выступив там с речью, Тома дю Бур, аббат Серизи, объявил деяние Жана

Нормандии. С его стороны было большой смелостью решиться на такое дело – выступить публично пред всеми нашими сеньорами Франции и великим числом людей, знатных и незнатных, которые там собрались. И герцог Бургундский, лично присутствуя там со своими братьями, твёрдо объявил: «Всё, что названный Пти скажет, – это по нашей воле! Мы уполномочиваем его говорить и вещать за нас и от нашего имени. И пусть никто на него за это не держит зла!» А [как раз] в тот день король был болен.

Теперь опустим первую часть выступления [Жана Пти] и перейдём ко второй¹⁰⁷, в коей затрагивается самая суть дела.

Здесь следует копия означенной проповеди:

«Я утверждаю во второй части моего выступления, касающейся сути дела, что усопший Людовик, в недавнем прошлом герцог Орлеанский, охваченный злым, алчным стремлением к почёту и мирскому богатству, замыслил отнять у своего брата короля его королевство, умертвив и уничтожив его самого, его детей и потомство. И столь сильно он был подогреваем алчным стремлением к тирании и искушаем врагом из преисподней, что совершил преступление, оскорбляющее божественное и земное величество, а именно: небесное принадлежит Богу, etc.

Преступление, оскорбляющее земное величество, [может быть совершено] четырьмя способами:

Первый способ подразделяется на два вида: во-первых, это покушение на жизнь своего верховного государя, а во-вторых, вступление в сговор и союз со смертельным врагом своего названного государя. Первый вид может подразделяться на множество подвидов, но в данном случае я ограничусь тремя: первый – это покушение на жизнь своего государя с помощью колдовства и суеверий; второй – с помощью ядовитого зелья и отравы; третий – это убийство или приказ об убийстве с помощью оружия или иным насильственным способом.

Что касается первого, я берусь доказать, что он [герцог Орлеанский] желал уморить своего брата, заставляя его чахнуть хитрым способом, каковой никто не сумел бы распознать. Пользуясь своей властью и деньгами, он нанял для этого четырёх людей: одного монаха-вероотступника,

---

Бесстрашного беззаконным и преступным, а доводы Жана Пти – необоснованными и клеветническими. В ответ Жан Пти составил новое, второе «оправдание герцога Бургундского», которое никогда не было оглашено публично и сохранилось только в двух списках. После этого Жан Пти сходит с политической сцены. Он скончался 15 июля 1411 г. в небольшом госпитале города Эдена, в Пикардии. В 1413 г., после того как власть в Париже временно захватили «арманьяки», собрание из 60-ти теологов торжественно осудило идеи, содержащиеся в речи Жана Пти, и постановило уничтожить все её списки. Первая партия собранных списков была сожжена на паперти собора Парижской Богоматери 25 февраля 1413 г. Впоследствии подобные акции повторялись. К настоящему времени речь Жана Пти сохранилась в восьми независимых списках (пять из них хранятся в Париже, два – в Брюсселе и один – в Вене). Кроме того, текст речи полностью воспроизведён в хронике Ангеррана де Монстреле и частично – в «Нормандской хронике» Пьера Кошона (Подробнее см.: Coville A. Op. cit.)

¹⁰⁷ Пьер Кошон опустил первую, более продолжительную часть выступления Жана Пти (так называемую «главную посылку» – *major*), вероятно, потому, что его схоластические построения показались ему слишком мудрёными и скучными. По традиции, Жан Пти открыл свою речь цитатой из Евангелия: «Корень всех зол – алчность» (Тим., 6:10). Затем он выдвинул силлогизм: убийство тирана – это не только право, но и обязанность; и поскольку Людовик Орлеанский был настоящим тираном, Жан Бесстрашный, уничтожив его, не совершил никакого преступления, а, напротив, поступил похвально и исполнил свой долг перед королём. Далее Жан Пти развивает и подкрепляет свою мысль, ссылаясь на Священное Писание, а также на труды Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Блаженного Августина, Фомы Аквинского, Иоанна Солсберийского и Боккаччо. См.: *Monstrelet*. P. 178 – 223.

одного рыцаря, одного оруженосца и одного слугу. По совету названного монаха-вероотступника, герцог вручил им свой собственный меч, один бадлер¹⁰⁸ и одно колечко, дабы посвятить их именам дьяволов. И, поскольку такие злодеяния можно было совершить только в местах, очень уединённых и удалённых от всех людей, они доставили эти вещи в башню Монжэ¹⁰⁹, что под Ланьисюр-Марн. Обосновавшись в башне, они провели там много дней, и названный монах, руководитель этой дьявольской затеи, совершал множество вызываний дьяволов, неоднократно и во многие дни. Два вызывания состоялись между Пасхой и Вознесением, в воскресенье на восходе солнца, на горе близ башни Монжэ. Монах начертил там круг со многими символами и знаками, которые требовались, чтобы совершить вызывание дьяволов, а сам при этом стоял возле одного кустарника. Творя заклинания, он разделся догола, оставшись только в одной рубашке, и вонзил сказанные меч и бадлер остриями в землю по краям названного круга, а означенное колечко поместил в середину названного круга. Затем он опустился на колени и прочёл множество молитв и заклинаний, вызывая дьяволов.

И тотчас явились ему два дьявола человеческого облика, одетые в нечто тёмное¹¹⁰. Один из них носил имя Инар, а другой – Астрамон¹¹¹. Тогда монах выказал им столь великое почтение, какое только мог, а затем отступил за кустарник, росший рядом. И оный дьявол, который явился за кольцом, взял его и унёс. Тот же, что пришёл за мечом и бадлером, взял означенный бадлер и стал им вертеть, выделявая разные штуки, а после положил его плашмя в названный круг. Так же сделал он и с мечом, а затем – исчез.

Тотчас вслед за ним монах вступил в названный круг и нашёл оные меч и бадлер, положенные на землю плашмя. Взяв их, он обнаружил, что у меча обломано острие в знак того, что дело сделано, и нашёл порошок там, где дьявол положил меч. После этого монах добрых полчаса дожидался другого дьявола, каковой принёс и вернул ему кольцо, которое на вид стало красным, как роза. Вручая монаху названное кольцо, дьявол молвил: «Дело сделано. Нужно только, чтобы ты вложил кольцо в рот повешенному мертвецу, а меч и бадлер – в тело ононого мертвеца известным тебе способом». И тут дьявол исчез¹¹².

Дабы сделать по сказанному, оные монах, оруженосец и слуга прибыли ночью к Монфоконской виселице, что близ Парижа, сняли с неё покойника, повешенного совсем недавно, и погрузили на коня, чтобы доставить в башню Монжэ. Однако, видя, что ночь на исходе и близится рассвет, они решили, что не успеют добраться до названной башни засветло. Поэтому они доставили труп в Париж, к рыцарю из их компании, и поместили его в одном стойле. Кольцо они вложили ему в рот, а меч и бадлер вогнали в тело через заднее место до самой груди и оставили там на много дней, как повелел им дьявол.

---

¹⁰⁸ Бадлер (*badelair*) – короткая и широкая кривая сабля. В хронике Монстреле вместо слова «бадлер» стоит «кинжал» (*dague*) (*Monstrelet*. P. 224).

¹⁰⁹ Башня Монжэ (*Montjay*) с округой образовывала баронию Монжэ и находилась в 4-х км к северу от города Ланьисюр-Марн (департ. Сена и Марна, округ Торси). В рассматриваемый период времени барония Монжэ принадлежала представителям влиятельного семейства д'Оржемон: сначала ею владел канцлер Франции Пьер д'Оржемон (ок. 1315 г. – 1389 г.), а затем его сын Амори д'Оржемон (ум. 11 июля 1400 г.). Подробнее см.: *Jacques-Amédée Le Paire. La baronnie de Montjay-la-Tour et l'ancien doyenne de Claye. Lagny, 1913. P. 17-28.*

¹¹⁰ Кошон в данном случае использует выражение «*vestus comme de brun*» (*Cochon*. P. 225), а Монстреле – «*ainsi que de brun verd*», т.е. «нечто тёмно-зелёное» (*Monsrelet*. P. 225).

¹¹¹ В оригинале – «*Hynars*» и «*Astramon*» (*Cochon*. P. 225); у Монстреле – «*Hérémas*» и «*Estramain*» (*Monstrelet*. P. 225).

¹¹² В хронике Монстреле добавлено: «Названный монах починил острие меча» («*Lesdit moyne refist la point de l'espée*») (*Monstrelet*. P. 226).

Затем, так посвящённые и освящённые, оные меч, бадлер и кольцо были вручены названному герцогу Орлеанскому, дабы он мог учинить и свершить названные злодейства над особой короля и осуществить свой зловещий и проклятый замысел. И вместе с тем ему вручили одну из плечевых костей названного висельника, на коей оный монах начертал, кровью того же мертвеца, определённые заклинания. Сию кость, обёрнутую тряпицей, один клирик прикрепил булавкой к рукаву рубашки названного герцога Орлеанского, каковой и стал её так носить¹¹³. Он носил бы её ещё дольше, если бы не один его придворный рыцарь (родственник королю и ему самому), который был у него в главных советниках¹¹⁴. Этот рыцарь оторвал [от его рукава] эту кость и предъявил королю в присутствии мессира Пьера Наваррского¹¹⁵, мессира Анри дю Бара¹¹⁶, канцлера Франции¹¹⁷ и многих других. И поскольку этот рыцарь так поступил и открыл некоторые тайны герцога Орлеанского¹¹⁸, тот проникся к нему столь великой ненавистью, что стал его преследовать, нанёс сокрушительный урон его чести и денежному состоянию и велел изгнать его из королевства, несмотря на то, что рыцарь был в близком родстве с королевской династией¹¹⁹. И когда другие, менее [влиятельные] служащие увидели, что герцог так расправился со столь высокопоставленным человеком, то не посмели уже об этом говорить и позволили герцогу строить все его козни, хотя и сильно роптали у него за спиной.

Далее, герцог Орлеанский велел оному монаху сотворить ещё один колдовской амулет из прута кизилового дерева, [окропленного] кровью красного петушка и белой курочки. Оный прут, так заколдованный дьявольским искусством (ибо тот, кто коснулся бы им какой-нибудь женщины, обретал над ней полную власть), был вручён названному герцогу, и тот стал им пользоваться. И был сей прут вручён ему на Страстной неделе, чтобы доставить больше удовольствия дьяволу.

Далее, то, что сказанные чары оказали своё воздействие на особу короля, я докажу с помощью трёх свидетельств. Первое – это две тяжёлые болезни, коими король занедужил сразу после событий прежде описанных. Первая болезнь случилась в Бове¹²⁰ и была столь мучительной, что

---

¹¹³ В хронике Монстреле сказано несколько иначе: «и вместе с этим вручили ему порошок из [молотых] костей, взятых из срамного места оного мёртвого висельника, дабы герцог носил этот порошок на себе, обёрнутым в одну тряпицу. Каковой [порошок] герцог Орлеанский носил много дней у себя на теле под рубашкой, прикрепленным булавкой к рукаву» (*Monstrelet*. P. 226).

¹¹⁴ Имеется в виду не кто иной, как Пьер де Кран, совершивший покушение на Оливье V де Клиссона, коннетабля Франции.

¹¹⁵ Пьер Наваррский (1366 – 1412), граф Мортэнский; второй сын короля Карла II Наваррского и Жанны де Валуа, дочери короля Иоанна II Доброго. Состоял в браке с Катериной Алансонской (1380 – 1412).

¹¹⁶ Анри дю Бар (ум. 1396), старший сын Робера I (ум. 1411), герцога Барского, и Марии (ум. 1404), дочери короля Иоанна II Доброго. Состоял в браке с Марией, графиней Суассонской и баронессой де Куси, дочерью Ангеррана VII де Куси.

¹¹⁷ В рассматриваемый период канцлером Франции был Арно де Корби (1325 – 1414). Адвокат Парламента, советник Карла V и Карла VI, он занимал должность канцлера с декабря 1388 г. по 1398 г., а затем с 1400 г. по ноябрь 1405 г. и с 17 июня 1409 г. по апрель 1412 г.

¹¹⁸ Согласно Фруассару, Пьер де Кран рассказал Валентине Миланской о тайной любовной связи её супруга с одной парижской красавицей. Это привело к большому скандалу, и в итоге Пьеру де Крану было приказано покинуть французский двор (KL. T. 14. P. 318 – 321).

¹¹⁹ Дословно – «несмотря на то, что он был двоюродным братом Цветов Лилии» (*cousin germain des Flours de Lys*) (*Cochon*. P. 227).

¹²⁰ Имеется в виду событие, случившееся весной 1392 г.: «После переговоров [с англичанами], проведённых в Амьене, – пишет Фруассар, – король случайно, из-за того, что плохо берётся, подхватил лихорадку с горячкой, и ему посоветовали сменить воздух. Поэтому он был помещён на носилки и доставлен в Бове; и задержался он там до тех пор, пока не выздоровел. При нём, во дворце епископа, находился его брат герцог Туреньский, а также его дядя, герцоги Беррийский и Бурбонский. Там и справили эти сеньоры праздник Пасхи. А затем, когда король настолько окреп и поправился, что уже мог хорошо держаться в седле, он приехал в Жизор, что

король потерял от неё ногти и бóльшую часть волос. Вторая случилась в Ле-Мане и была несравненно тяжелее первой, – настолько, что не было человеческого существа, которое, взглянув тогда на короля, не испытало бы великой жалости и великой скорби. На протяжении долгого времени король не говорил ни с мужчиной, ни с женщиной и казался скорее мёртвым, чем живым.

Второе свидетельство – это речи, которые король стал произносить, когда смог разговаривать, а именно: «Ради Бога, выньте из меня этот меч, пронзающий моё тело! Это сделал со мною милый брат Орлеанский!» И эти же самые речи он много раз повторял во здравии и в болезни, прибавляя такие слова: «Надлежит, чтобы я его убил», – как если бы хотел сказать: «Если я его не убью, он непременно заставит меня умереть». Увы! Кто мог подвигнуть одного герцога Орлеанского на это тяжкое и проклятое злодеяние против особы его сеньора и брата, который никогда не причинял ему ни малейшего зла, но доставлял одни только радости?

Далее, совершенно ясно, что его заставляло всё это делать не что иное, как великое злобное честолюбие: охваченный и сжигаемый им, герцог стремился завладеть короной и достичь высшей власти в королевстве Французском.

Третье свидетельство заключено в словах, которые однажды сказал правитель Милана¹²¹, отец герцогини Орлеанской¹²², одному посланнику, привезшему письма от короля. Государь Милана спросил, в каком состоянии находится король, и посланник ему ответил: «Благодаренье Господу, он в добром здравии!» – «Да он сам дьявол!» – молвил государь Миланский и с великим удивлением добавил: «Как это может быть, чтобы он до сих пор оставался в добром здравии?!»

Это вполне очевидная улика: правитель Милана был в сговоре со своим зятем Орлеанским о том, чтобы довести короля до его нынешнего состояния. Этот государь Миланский страстно желал добыть высшую власть для себя и своего рода, о чём особенно наглядно свидетельствует случай с мессиром Бернабо¹²³, его дядей, коего он коварно и вероломно, прикрываясь показным благочестием, схватил и велел тайком умертвить, дабы завладеть его сеньорией. Также явствует, что он с алчной страстью мечтал, чтобы его дочь стала королевой Франции. Именно в надежде на это он устроил брак между ней и герцогом Орлеанским, тогда ещё герцогом Туреньским, единственным братом короля. Ведь в ту пору у короля ещё не было никаких детей, и государь Миланский рассчитывал, что ему нужно будет закрыть лишь одни уста. Таким образом, требовалась лишь подходящая затычка, чтобы осуществить этот замысел. А что у него было это желание, явствует из того, что, согласно общей молве, когда означенная дочь уезжала от него во Францию, он ей сказал: «С Богом, милая дочь! Я не собираюсь с вами видеться до тех самых пор, пока вы не

на границе Нормандии, дабы развлечься псовой охотой, ибо в тамошней округе есть много прекрасных лесов» (KL. Т. 14. Р. 389, 390).

¹²¹ Джан-Галеаццо Висконти (16 октября 1351 г. – 13 сентября 1402 г.), сын миланского правителя Галеаццо II Висконти (ум. 1378) и Бьянки Савойской; сеньор Миланский с 1385 г., первый герцог Миланский с 1395 г. В 1360 г. Джан-Галеаццо женился на Изабелле де Валуа (ум. 1372), дочери французского короля Иоанна II, и получил за ней в приданое графство Вертю в Шампани.

¹²² Валентина Висконти или Миланская (1370 г. – 4 декабря 1408 г.), дочь Джана-Галеаццо Висконти (см. выше) и Изабеллы де Валуа. В 1389 г. вышла замуж за Людовика Орлеанского, младшего брата короля Карла VI Французского, принесла ему в приданое значительную сумму денег и графство Вертю.

¹²³ Бернабо Висконти (1323 – 1385), сын Стефана Висконти и Валентины Дориа, младший брат Галеаццо II Висконти и, соответственно, дядька Джана-Галеаццо Висконти. Бернабо управлял миланской сеньорией совместно с Галеаццо II, однако после смерти последнего, в 1378 г., Бернабо стал править Миланом единолично, а сыну и наследнику покойного брата, Джану-Галеаццо Висконти, выделил лишь западную часть Ломбардии. Не желая мириться с этим, Джан-Галеаццо 6 мая 1385 г. захватил дядю в плен вместе с его сыновьями, Лудовико и Родольфо, заточил их в темницу Порто-Джовия, а затем установил свою власть над всей сеньорией Милана. Вскоре, 19 сентября 1385 г., Бернабо Висконти был отравлен по приказу племянника.

станете королевой Франции». И в дальнейшем, дабы достигнуть этого, вышеназванный государь Миланский и названный герцог Орлеанский разными путями и способами постоянно злоумышляли на жизнь короля и его потомства.

В этих делах посредником между ними был один лживый лицемер по имени Филипп де Мезьер¹²⁴, рыцарь. Отец и наставник в делах измены, он прежде был канцлером короля Кипра и Италии¹²⁵, неверным и злокозненным¹²⁶, а затем прибыл на жительство к Бернабо и остался при нём. Вскоре он помог государю Миланскому предательски уничтожить названного Бернабо, своего сеньора и господина, а затем принёс присягу государю Миланскому и стал его ближайшим придворным и другом¹²⁷. И придумали они вдвоём некоторые инструкции, кои оный [де Мезьер] доставил герцогу Орлеанскому.

И дабы совершить это дело более ловко и скрытно, оный канцлер де Мезьер прибыл в Париж и лицемерно подался к Целестинцам. Также и герцог Орлеанский изображал святую жизнь, дабы ввести в заблуждение короля, и под этим предлогом ежедневно ходил к Целестинцам и слушал там по пять или шесть месс, движимый, как казалось, величайшим благочестием. Но это было лишь лицемерное притворство, ибо под прикрытием этого они [с де Мезьером] плели заговор в одной молельне, обсуждая способы достижения своих коварных и зловещих целей.

И, несмотря на то, что при свете дня оный герцог выказывал себя таким благочестивым, по ночам он вёл распутную жизнь. Почти каждую ночь он напивался и спал со шлюхами. И в конце

---

¹²⁴ Филипп де Мезьер (ок. 1327 г. – 29 мая 1405 г.), незнатный пикардийский дворянин, прославился как воин-крестоносец, литературный публицист и проповедник, призывавший монархов католической Европы к общему походу против мусульманских государств Восточного Средиземноморья. В 1344 г. поступил на военную службу к правителю Ломбардии Луккино Висконти, но затем, в 1345 г., перешёл к герцогу Андрею Калабрийскому (убит в сентябре 1345 г.), супругу королевы Иоанны Неаполитанской. После смерти Андрея принял участие в крестовом походе на Смирну (1346) и был посвящён там в рыцари. По завершении похода посетил Иерусалим (1347) и Кипр. Затем продолжил карьеру наёмного воина. В 1360 г. стал канцлером Пьера I де Лузиньяна, короля Кипра; в 1362 г. вместе с папским легатом Петром Фомой проповедовал при дворах западноевропейских правителей крестовый поход против Египта. В 1364 г. участвовал во взятии Александрии войсками короля Пьера I де Лузиньяна. В 1366 г. снова совершил поездку по странам Западной Европы, безуспешно пытаясь организовать новый крестовый поход. Узнав об убийстве Пьера I де Лузиньяна, Филипп де Мезьер на три года задержался в Венеции (1369-1372). Затем, после свидания с папой в Авиньоне, прибыл в Париж (1373) и стал близким советником короля Карла V Мудрого и наставником будущего Карла VI. После смерти Карла V в 1380 г. де Мезьер, как и многие другие советники, был вынужден покинуть королевский двор. Поступив в парижский монастырь Целестинцев, он провёл там всю оставшуюся жизнь, оказывая значительное влияние на общественную мысль своими религиозно-политическими трактатами, в которых призывал христианских государей к единению пред лицом исламской угрозы. В последние годы жизни де Мезьер поддерживал тесные дружественные отношения с Людовиком Орлеанским, что дало повод бургундским пропагандистам посмертно очернить его с помощью всевозможных клеветнических измышлений. Яркий тому пример – речь Жана Пти.

¹²⁵ В начале 60-х годов Филипп де Мезьер действительно был канцлером короля Кипра Пьера I де Лузиньяна, который также носил и титул короля Иерусалимского. Однако Жан Пти ошибочно называет Пьера I королем Италии.

¹²⁶ Вероятно, этой фразой Жан Пти намекает на причастность де Мезьера к убийству Пьера I де Лузиньяна, которое было совершено королевскими приближенными в ночь на 17 января 1369 г. в Никосии, столице Кипрского королевства.

¹²⁷ В качестве посланника короля Кипра Филипп де Мезьер посещал Милан в 1363 и 1366-67 гг. Однако на момент убийства Бернабо Висконти (1385) Филипп де Мезьер вот уже 18 лет как жил в Париже и не мог быть причастен к событиям, разыгравшимся в Ломбардии. Слова Жана Пти о том, что де Мезьер был придворным Джана-Галеаццо Висконти тоже являются вымыслом (Coville A. Op. cit. P. 307 – 310).

концов он настолько погряз в распутстве, коему тайно предавался по ночам очень долгое время, что его [истинный] образ жизни стал совершенно очевиден¹²⁸.

Итак, мы располагаем двумя фактами: во-первых, герцог Орлеанский был заказчиком вызываний дьявола, заклинаний, волхований, чародейств и наведения порчи; во-вторых, означенные вызывания, заклинания, колдовство, ведовство и насылание чар оказывали своё действие на особу короля; из коих фактов точно следует, что названный герцог Орлеанский был повинен в преступлении, оскорбляющем земное величество, поскольку оное наведение порчи является идолопоклонством, чародейством и подрывает католическую веру, как это явствует из того, что я изложил прежде.

Далее, [налицо] оскорбление земного величества первой степени и первого вида: поскольку совершая оное наведение порчи, он умышлял убить и уничтожить своего верховного сеньора.

Далее, я желаю показать, что он совершил преступление первого разряда первой степени. Ибо он, видя, что оное наведение порчи ещё не позволяет ему полностью достигнуть проклятой цели – смерти короля, решил использовать второе средство, а именно: велеть отравить короля ядами. Ради этого он пытался вступить в сделку со многими людьми и выбрал сначала двух, одному из коих посулил 4 тысячи золотых экю, а другому – 50 тысяч, определив 25 тысяч¹²⁹ в качестве задатка. Однако они, добрые и верные, отказались от этого. Но некоторые другие не отказались от денег: сделка была заключена и яды изготовлены. Однако они не возымели действия в полной мере по милости Бога и некоторых доброжелателей короля, которые распознали эти козни. И, дабы показать более очевидно, что герцог был причастен к вышеназванным чародействам, волхованиям и насыланиям порчи, а также к попыткам отравительства, о коих я говорил, [надо упомянуть следующее]: истинно то, что многие из названных злоумышленников, наиболее приближенных к названному герцогу Орлеанскому, были посажены в темницы во многих местах. Против них были возбуждены процессы, и в отношении некоторых, именем короля, уже было постановлено, какой смертью они должны умереть. Герцог же, пользуясь своей властью и хитростью, освободил одних и других¹³⁰, воспрепятствовал свершению правосудия, дабы его измена и злые козни не были выявлены и раскрыты.¹³¹

Далее, я желаю показать, что он совершил преступление, оскорбляющее величество, по отношению к королевской супруге. Ибо истинно то, что четыре года тому назад или около того, в определённый день, когда короля снова охватил его недуг, названный преступный герцог, не перестававший изо дня в день умышлять, как бы ему прийти к исполнению своего злого замысла, решил, что если он сможет держать королеву и её детей за пределами королевства Французского,

---

¹²⁸ Пересуды о любовных похождениях и фривольном, расточительном образе жизни Людовика Орлеанского, действительно, были у всех на слуху и имели под собой реальные основания. Как и многие молодые сеньоры своего времени, Людовик Орлеанский сочетал в себе искреннее религиозное чувство с неумной тягой к земным наслаждениям, азартным играм и приключениям. Кроме того, следуя общей моде, он интересовался оккультными магическими практиками, что позволяло политическим противникам герцога обвинять его не только в моральной распущенности, но и в вероотступничестве.

¹²⁹ В хронике Монстреле сказано «30 тысяч в качестве задатка» (*Monstrelet*. P.231).

¹³⁰ В хронике Монстреле: «освободил некоторых и отослал в свои владения» (*Ibidem*).

¹³¹ Здесь Пьер Кошон исключил из речи Жана Пти сразу несколько больших периодов: 1) Людовик Орлеанский неудачно пытается отравить Карла VI, находясь в замке Нофль в гостях у вдовствующей королевы Франции, Бланки Наваррской; 2) Людовик Орлеанский пытается сжечь короля на «Огненном балу»; 3) Ричард II Английский предупреждает Карла VI о враждебных намерениях его брата; желая отомстить английскому королю, Людовик Орлеанский заключает союз с его противником Генрихом Ланкастером, что в итоге приводит к низложению Ричарда II (См.: *Monstrelet*. P. 231 – 236).

ему будет легче достигнуть своей цели. Поэтому он дал понять королеве, лживо и вопреки истине, что король люто на неё разгневан, и потому он горячо ей советует: если она дорожит собой, пусть вместе с детьми удалится с глаз короля в такое место, где они будут вне его власти. При этом герцог рассчитывал отправить её с детьми в герцогство Люксембург, дабы, держа их там, творить свою волю [во Франции]. Он притворно обещал названной королеве, что будет содержать её там, вместе с детьми, хорошо и надёжно, а если увидит, что король выздоровел и ей уже ничто не угрожает, то легко и безопасно доставит их назад. Если же он увидит, что не может найти средств к исцелению [короля] и отвести от королевы его гнев, то за собственный счёт обеспечит ей там богатое и почётное содержание и будет охранять её от кого угодно – будь то король или кто иной. И, дабы прикрыть свою вероломную измену и злокозненность, он давал понять королеве, что дело нужно совершить как можно скорее, с тем чтобы в пути она и её дети не встретили никаких препятствий. И, дабы это сделать, он придумал, что королева и её дети отправятся в паломничество в Сен-Фиакр, а оттуда – в Нотр-Дам-де-Люксембург, и он велит дать ей и её детям почётную свиту, подобающую их положению. Однако некоторые из этих замыслов были раскрыты, поэтому поездка не состоялась вовсе и затея герцога Орлеанского не удалась, по воле Божьей.

После этого он замыслил другой способ действий: велел отравить одно яблоко, надеясь дать его съесть старшему сыну короля, ныне мёртвому¹³². И велел вручить это яблоко одному мальчику с наказом: «Иди, отнеси это прекрасное яблоко такому-то королевскому сыну и остерегайся дать его кому-нибудь другому». И вот случилось по милости Бога, что, идя через сад Сен-Поль, мальчик повстречал кормилицу, державшую на руках одного из детей названного герцога Орлеанского. Поскольку кормилице яблоко показалось красивым, она сказала мальчику: «Дай-ка сюда это яблоко – для моего дитяти». Он в ответ: «Не дам! Мне велено не давать его никому, кроме королевского сына». Однако кормилица была сильнее: отняв яблоко, она дала съесть его своему [молочному] сыну. И когда он его отведал, то впал в какую-то тяжёлую болезнь, от которой и умер¹³³. Так случилось, что герцог Орлеанский, думая отравить своего племянника, погубил собственного сына, и тем самым яд был хорошо использован.

Далее, названный герцог Орлеанский был раздосадован оттого, что, по милости Бога, не мог достичь своей цели. Поэтому истинно то, что он, упорствуя в своей пагубной злокозненности и проклятом коварстве, много раз посылал к папе Бенедикту¹³⁴, стремясь в итоге лишить короля, своего брата, его королевского звания, власти и достоинства. И, дабы исполнить свой замысел, он сочинял ложные наветы на особу короля, обвиняя его во многих отвратительных деяниях и преступлениях, и просил папу, чтобы он соизволил признать короля и его детей неспособными управлять королевством Французским и соизволил освободить его [герцога Орлеанского] и знать королевства от клятвы верности, которой они связали себя по отношению к королю, и признать названного герцога Орлеанского наиболее достойным, чтобы занять и наследовать королевский престол. И дабы лучше провести это дело и скорее склонить папу к исполнению своих коварных

---

¹³² Речь идёт о дофине Карле Французском (6 февраля 1392 г. – 13 января 1401 г.), сыне короля Карла VI и Изабеллы Баварской, который скончался в возрасте 11 лет, судя по всему, от туберкулёза.

¹³³ Людовик (26 мая 1391 г. – сентябрь 1395 г.), сын Людовика Орлеанского и Валентины Висконти, скончался в четырёхлетнем возрасте и был погребён в церкви Целестинского монастыря в Париже.

¹³⁴ Педро Мартинец де Луна (1329 г. – 23 мая 1423 г.), арагонский кардинал, 28 сентября 1394 г. был избран папой в Авиньоне под именем Бенедикта XIII. Людовик Орлеанский действительно поддерживал с Бенедиктом XIII особые доверительные отношения, поскольку рассчитывал с его помощью выкроить себе владения в северных и центральных землях Италии. Он оставался союзником Бенедикта XIII даже в период открытой военной конфронтации между французским двором и авиньонской курией (1398 – 1403).

замыслов, оный герцог постоянно поддерживал названного папу против всей церкви Франции, как он это показывал много раз – в деле отречения, отказа в повиновении и эпистулы из Тулузы¹³⁵.

После этого я желаю огласить и доказать четвёртую и последнюю статью [обвинения], а именно, что преступный герцог Орлеанский совершил преступление, оскорбляющее величество, четвёртой степени. Ибо, хотя из вышеописанных случаев и так очевидно явствует, что, заключая союзы с врагами королевства¹³⁶, он точно стал изменником и предателем общего дела¹³⁷, я, тем не менее, желаю доказать, что он совершил преступление, оскорбляющее величество, двумя способами. Во-первых, на протяжении пятнадцати или четырнадцати лет он держал в землях королевства Французского латников, которые не делали ничего иного, кроме того что объедали и разоряли бедных людей, грабили и обирали их, выколачивали из них выкупы, убивали их, насиловали их женщин. Он ставил своих капитанов в замках и крепостях, у мостов и переправ королевства Французского, дабы преуспеть в осуществлении своего злого, вероломного и проклятого замысла – узурпации власти в королевстве. Второй способ состоит в том, что он угнетал народ невыносимыми налогами, притворяясь, что делает это ради обеспечения военной защиты королевства. Но после того как налоги были собраны, взысканы и помещены в королевскую казну, герцог их расхищал и самовольно присваивал, а именно: он присвоил 300 тысяч, которые хранились в башне Парижского дворца, и 100 тысяч, которые хранились в Мелёне. И раздавал он эти деньги врагам королевства, противникам и зложелателям короля, чтобы сделать короля беднее, а самому стать более сильным и могущественным, дабы осуществить свой зловещий и пагубный замысел по захвату короны и власти в названном королевстве. Таким образом, явно доказано, что он многими способами совершил преступление, оскорбляющее величество, четвёртой степени.

Далее, многие другие преступления, оскорбляющие величество, весьма тяжкие и ужасные, не только лишь четвёртой степени, но и третьей, второй и первой, многими способами и в разных видах, совершил и содейл названный герцог для достижения своей зловещей и пагубной цели, желая отнять и вырвать французскую корону и высшую власть у короля и его потомства. Однако доказательства этих иных преступлений мой названный сеньор герцог Бургундский приберёт на

---

¹³⁵ В оригинале сказано: «...comme de cession, de la sustraction et de l'epistre de Toulouse» (*Cochon*, P. 235). Для преодоления церковного раскола Парижский университет в 1394 г. предложил так называемый «путь отречения» («la voie de cession» – дословно «путь уступки»), подразумевавший одновременное добровольное отречение двух понтификов, римского и авиньонского, с тем, чтобы можно было избрать нового папу, который восстановил бы единство Церкви. Когда стало ясно, что ни римский папа Бонифаций IX, ни авиньонский антипапа Бенедикт XIII на это не пойдут, собор французского духовенства постановил в 1398 г. частично отказать Бенедикту XIII в повиновении («soustraction d'obédience»), т.е. лишить его всяких доходов с церковных бенефициев Франции, признавая за ним лишь духовную власть. Людовик Орлеанский, благоволивший Бенедикту XIII, не поддерживал эти меры, высказываясь за компромиссное решение вопроса. 17 марта 1402 г. он представил в Парижском парламенте так называемую эпистулу из Тулузы – длинный меморандум, сочинённый в том же году канонистом Тулузского университета Гигоном Фландреном. В этой эпистуле постановление об отказе в повиновении объявлялось неправомочным и ошибочным. Четыре года спустя Парижский университет потребовал от Парламента официально осудить содержание эпистулы. Долгие дискуссии продолжались с 28 мая по 8 июня 1406 г. В частности, 7 июня этому вопросу было посвящено весьма эмоциональное выступление мэтра Жана Пти. Наконец, под давлением Университета, Парламент вынес осуждающий приговор по делу об эпистуле из Тулузы (17 июля 1406 г.).

¹³⁶ В полной речи Жана Пти говорится о союзе Людовика Орлеанского с Генрихом Болингброком, герцогом Ланкастера (см. примеч. выше).

¹³⁷ В оригинале сказано: «...et deloial de la chose publique» (*Cochon*. P. 235). Термин «la chose publique» является калькой с латинского «res publica». В зависимости от контекста он может переводиться как «государство», «республика», «общее дело». В хронике Монстреле сказано: «врагом общего дела» («ennemy de la chose publique») (*Monstrelet*. P. 241).

потом, чтобы приводить и представлять их в своё время и в своём месте, всякий раз, когда в том будет необходимость.

И, вместе с тем, моё дополнительное доказательство, вкпе с основным¹³⁸, ясно и последовательно приводит к выводу, что моего названного сеньора Бургундского нисколько не следует порицать и укорять за случай, который произошёл с особой названного [герцога] Орлеанского, и что король должен быть не только доволен моим названным сеньором Бургундским, но и считать его деяние за благо и одобрить его своею властью в той степени, в какой потребуется; и вместе с тем его надлежит вознаградить и пожаловать тремя вещами, а именно: любовью, почётом и богатством, подобно тому, как был вознаграждён монсеньор Святой Михаил [арх]ангел. И мне, в моем грубом понимании, сдаётся, что король должен теперь любить его ещё больше, чем прежде, и велеть предать гласности и прославить его верность по всему королевству и за его пределами посредством открытых грамот, молебнов или как-нибудь иначе. Да будет Господня воля на то, чтобы было так. Аминь.

Смиреннейше молю и прошу учесть всё вышесказанное и принять во внимание, что всё, что мой названный сеньор герцог Бургундский велел сделать в настоящем случае, о коем я сказал, было ради любви, которую он испытывал к королю и его потомству, а также ради блага королевства, и ни по какой иной причине. Поэтому пусть [король] соизволит благосклонно отнестись к тому, что он велел сделать, и навсегда обеспечит ему и его преемникам мирную жизнь, повелев всем, кому надлежит¹³⁹, чтобы по случаю вышесказанного деяния им не досаждали и не вредили каким бы то ни было образом».

Здесь заканчивается речь мэтра Жана Пти. Перейдём же к рассказу о других событиях.

(Конец фрагмента)

---

¹³⁸ В оригинале сказано: «Et, avec ce, ma dite *minor* desclairiée jointe avec ma *major*...». *Minor* – это вторая часть выступления («второстепенная посылка»), а *major* – первая часть («главная посылка»), которая опущена в «Нормандской хронике» Пьера Кошона.

¹³⁹ В первую очередь имеются в виду наследники Людовика Орлеанского и его супруга, Валентина Висконти.